ОПЫТЫ
АЛЛЕГОРІЙ

ИЛИ

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫХЪ ОПИСАНІЙ,

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. Θеодора Глинки.

„....Они не могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочитутъ мою книгу."
(*Монтань.*)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ сей книги въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ. Сентября 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

Т. Б. П.

Милостивая Государыня!

Въ огромной картинѣ творенія, болѣе всего привлекаетъ вниманіе наше человѣкъ, со стороны его положенія въ обществѣ и особенно со стороны его *природы нравственной*, въ которой собственно заключается великая тайна нашего счастія. Мнѣ всегда весело было читать о людяхъ въ состояніи дикой независимости. Я любилъ освѣжать воображеніе, переносясь въ лѣса необозримые, на берега озеръ пустынныхъ, ища повсюду слѣдовъ первобытнаго порядка міра. Я видѣлъ людей и въ жизни искуственной, ими самими изобрѣтенной, въ тѣснотѣ ихъ пыльныхъ улицъ, угарныхъ городовъ и въ палящемъ дыханіи страстей, изсушающихъ первородную свѣжесть души. На пространствѣ отъ Волги до Сены,

отъ Дуная до береговъ Сѣверныхъ морей, мнѣ случилось знакомиться съ человѣкомъ въ палатахъ и въ хижинахъ, въ тишинѣ кабинета и въ шумной грозѣ воинскаго стана. И вотъ, что было плодомъ моихъ любимыхъ наблюденій о людяхъ. Суетная привязанность къ мѣлочамъ, любовь къ видимости, стремленіе къ наружному блеску и суетливыя заботы житейскія, слишкомъ много отвлекаютъ *Европейскаго человѣка* отъ тѣхъ спокойныхъ размышленій, которыя постепенно приводятъ за собою мудрость и счастіе.

Нельзя сказать, чтобы люди вовсе не любили истины, но скучая всѣмъ, что представляетъ видъ поучительности, и не имѣя никакого понятія о высокихъ наслажденіяхъ уединенной и созерцательной жизни, они охотнѣе предаются вѣтреному легкомыслію, увлекательной разсѣянности, ловя минуту, забывая вѣч-

ность. При томъ же истина не всегда довольно ощутительна, чтобъ могла быть довольно постигнута. А между тѣмъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, съ ходомъ ума, съ развитіемъ гражданственности, умножался кипучее движеніе страстей, пожеланій, суетливой волнуемости во внѣшней жизни, и болѣе и болѣе забываются тѣ непреложныя начала, на которыхъ зиждется спокойное внутреннее счастіе человѣка. Въ такомъ положеніи вещей, кажется, настоитъ необходимость, сколько можно чаще останавливать вниманіе людей на высокихъ истинахъ вѣры и нравственности. Но какъ сіе сдѣлать безъ того, чтобы имъ не наскучить? Я всегда объ этомъ думалъ и полагалъ, что если сами люди не охотно подаются къ истинамъ, то не худо бы подвести *рядъ истинъ* къ людямъ и показать ихъ такъ ясно, какъ показываютъ без-

печнымъ зрителямъ, посредствомъ оптическаго стекла, рядъ красивыхъ явленій неосязаемыхъ, но видимыхъ и памятныхъ. Не знаю, успѣлъ ли я въ своемъ намѣреніи; но мнѣ хотѣлось *составить* родъ *нравственной фантасмагоріи*. Я старался облечь въ одежду Поэзіи сокровеннѣйшія ощущенія, высшія истины, и давъ имъ, по возможности, цѣль и существенность, приблизить ихъ къ людямъ въ видѣ болѣе осязаемомъ. *Надежда*, *Совѣсть*, *мысль о духовности человѣка*, *о его безсмертіи*, сія утѣшительная мысль, столь справедливо названная *приданымъ души человѣческой*, и наконецъ самая *Истина*, получили какъ бы нѣкоторую тѣлесность и сдѣлались болѣе ощутительными въ тѣхъ разновидныхъ описаніяхъ, гдѣ заманчивость загадки (*)

(*) Само по себѣ разумѣется, что если въ заглавіи каждой изъ сихъ аллегорій выставить

соединена съ пользою поучительности.

Вотъ цѣль предпріятія! Желалъ бы, чтобъ исполненіе хотя нѣсколько соотвѣтствовало намѣренію! Впрочемъ здѣсь предлагается только первый опытъ, и Авторъ не смѣетъ придавать ему никакой особенной важности. Теперь, по совѣту Особъ, достойныхъ уваженія, предпринялъ я соединить всѣ мои иносказательныя описанія вмѣстѣ и выдать ихъ въ свѣтъ. Я хотѣлъ-было назвать сіе собраніе аллегорій *нездѣшними цвѣтами*. Это заглавіе показалось нѣсколько страннымъ; но едва ли оно не справедливо; ибо высокія истины и красоты отвлеченной Поэзіи цвѣтутъ конечно не на здѣш-

---

ея значеніе, то занимательность изчезнетъ. Но полагать надобно, что всякому читателю пріятнѣе будетъ находить отгадку самому, или прочитывать ее въ концѣ піэсы.

нихъ долинахъ суеты и горестей, гдѣ сѣмена, засѣваемыя смертію, созрѣваютъ при зноѣ страстей и пожинаются тлѣніемъ!

Послѣ сего я думалъ: кому бы посвятить книжку свою? Но тутъ мнѣ вспомянулось выраженіе одного Восточнаго Поэта: „чувство благодарности благовонно, какъ полная роза, и сладостно, какъ спѣлый „виноградъ.“ Мнѣ захотѣлось испытать справедливость сего выраженія и — *память сердца* (*) *указала* — на Васъ! Такъ, Милостивая Государыня! Ваше благосклонное вниманіе въ такомъ періодѣ моей жизни, когда всякій знакъ дружелюбія приносилъ мнѣ необыкновенное утѣшеніе, налагаетъ на меня обязанность засвидѣтельствовать, какимъ-нибудь видимымъ знакомъ, мою къ Вамъ

(*) Извѣстно, что благодарность называютъ памятью сердца.

признательность. Давно ли еще Вы доставили мнѣ возможность пользоваться выгодами лучшаго общества и красотами природы, сей неизмѣнной утѣшительницы человѣка? При томъ же мнѣ всегда казалось, что Вы сами, какъ-будто одно изъ тѣхъ эѳирныхъ существъ, которыхъ изображенія помѣстилъ я въ моихъ описаніяхъ. Благое Провидѣніе даровало Вамъ все: просвѣщенный разумъ, красоту, прелестное дѣтское сердце, душу возвышенную и, кажется, отпустило Васъ только погостить къ людямъ, чтобъ порадовать собою супруга, единственнаго по его нравственнымъ качествамъ; достойную родительницу; добрыхъ братьевъ; любезныхъ сестеръ; толпы бѣдныхъ, привыкшихъ любить васъ какъ существо, ихъ утѣшающее; и всѣхъ, кто счастливъ Вашею милою дружбою. Блестящій, шумный, суетливый призракъ, называемый міромъ, напрасно

трудится сдѣлать Васъ своею плѣнницею: душа Ваша сохранила слишкомъ живую память о лучшей сторонѣ, и Вы спокойно взираете на всѣ мишурныя представленія земныя.

И такъ примите мою книжку: въ ней мало ума, мало искуственности; но Вы найдете въ ней чувства не поддѣльныя, даже не обработанныя: ихъ охладила мертвая буква, но ихъ поймешъ чувствительное сердце. Люди имѣютъ богатый языкъ нуждъ, языкъ страстей нѣсколько бѣднѣе; но у нихъ совсѣмъ почти нѣтъ языка высокихъ духовныхъ ощущеній и такихъ неуловимыхъ истинъ, съ ихъ мелькающими оттѣнками, кои справедливо сравниваютъ съ тѣми таинственными сновидѣніями, которыя мы видимъ, помнимъ, но которыхъ разсказать не умѣемъ.

ОПЫТЫ
ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫХЪ
ОПИСАНIЙ
ВЪ ПРОЗѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА.

Великолѣпно освѣщенъ былъ пышный домъ; бронзы и мраморы дышали жизнію, чистыя алебастровыя вазы сіяли томно, какъ звѣзды за дымомъ серебряныхъ облаковъ; въ хрусталяхъ играли свѣтлыя радуги. — Они съѣхались, Графы, Князья и Бароны, и за каждымъ свои льстецы и поклонники. Входили и прохаживались, мущины и женщины, молодые и старые. — Все было пышность и великолѣпіе. Перлы, алмазы и яхонты горѣли въ волосахъ и въ уборахъ женщинъ. Смотря внимательно на лица, казалось, тутъ можно было увидѣть всѣ страсти въ лицахъ. — Било одиннадцать. Всѣ собрались, и все какъ будто кого-то не доставало!.... Во всѣхъ углахъ слышно было сожалѣніе, за чѣмъ *ея* нѣтъ, за чѣмъ *ея* такъ давно не видно въ свѣтѣ?... Много о ней говорили. Вельможи

рѣшительно увѣряли, что она у нихъ бывалая гостья, и откровенные политики, угодливые художники, модные поэты и свѣтскіе философы твердили, что она имъ давняя знакомая.

Наконецъ она вошла, тихо, безъ блеска, безъ шума.... Простое бѣлое платье съ лиловымъ приборомъ: вотъ ея одежда! Прекрасный ростъ, легкая, свободная поступь, гибкій станъ, высокая стройная шея, глаза небеснаго цвѣта и съ спокойнымъ сіяніемъ лѣтняго неба, лице не полное, не ярко румяное, но такое, которому румянецъ, изрѣдка вспыхнувъ, придаетъ неизъяснимую прелесть, и тихая улыбка: вотъ черты ея красоты! — Если нѣтъ здѣсь полнаго портрета прекрасной, то это потому, что она прекрасна не по-земному. — Всѣ, вѣроятно, ее ожидали, ибо о ней говорили; но она вошла — и никто не узналъ ее! . . . . Это можетъ быть и потому, что всякой ожидалъ увидѣть ее въ большомъ блескѣ, съ великолѣпіемъ и шумомъ.... Она вошла какъ къ своимъ, свободно и ласково; но ее встрѣтили какъ чужую, холодно и съ принужденностію. Хозяинъ сдѣлалъ гостьѣ учтивый поклонъ и занялся другими.... Толпа смотрѣла на нее съ какимъ-

то глупымъ равнодушіемъ, какъ будто и не замѣчала ее!... Только гордый временщикъ и любимцы фортуны, искосясь, поглядывали на незнакомую: они, казалось, узнавали въ ней ту, именемъ которой заставляли ихъ не разъ краснѣться предъ свѣтомъ. — Дѣти, по какому-то темному предчувствію, съ ласкою подходили къ привѣтливой гостьѣ и цѣловали ея прекрасныя руки, а привѣтливая цѣловала ихъ въ уста и въ очи.

Наконецъ она, какъ и всѣ, смѣшалась съ шумною толпою, и никто болѣе объ ней не заботился. Одинъ только юноша, пылкими черными глазами слѣдилъ ее долго и пристально, какъ будто предчувствуя въ ней будущую владычицу его жребія, для которой нѣкогда не пощадитъ онъ ни трудовъ, ни покоя, ни лучшихъ радостей жизни. По тайному влеченію сердца, онъ уже готовъ былъ узнать неузнанную, и, еслибъ было можно, положить къ ногамъ ея свою чистую юношескую душу.... Но свѣтское приличіе удержало, а легкокрылыя забавы увлекли и закружили его въ шумномъ волненіи. — Между тѣмъ незнакомка, проходя рядъ великолѣпныхъ комнатъ, миновала бюстъ Вольтера,

но съ живымъ чувствомъ взглянула на Сократа, и съ задумчивостію на Философа Женевскаго. — И вотъ неузнанная все замѣтила, а сама осталась незамѣченною, и тихо удалилась, какъ тихо вошла.

Послѣ (былъ слухъ), минуя зàмки и палаты, остановилась она въ далекой улицѣ, и посѣтила убогій домикъ, гдѣ надъ блѣдною лампадою трудился блѣдный человѣкъ. Высокія творенія философовъ, единственное сокровище въ его низкомъ домикѣ, и старые свитки — вотъ его собесѣдники, а молодая Муза — его утѣшительница!... Въ сердцѣ человѣческомъ, на аспидной доскѣ и въ толстыхъ фоліантахъ искалъ онъ той, которой небесный образъ явился и очаровалъ его нѣкогда въ его юношескомъ снѣ. — И вдругъ она вошла! — И уединенный узналъ неузнанную свѣтомъ. Они кинулись въ объятія другъ къ другу съ жаромъ любви и юности — и небесная не покидала вѣрнаго до конца его земнаго странствія.

II.

НЕЗНАКОМЫЙ ЗНАКОМЕЦЪ.

Великолѣпное освѣщеніе сіяло изъ растворенныхъ оконъ. Длинные лучи живописно отражались въ сумракѣ росистой зелени ароматнаго сада. Прекрасно взошла, весело любовалась собою въ серебряномъ зеркалѣ рѣки, и тихо закатилась молодая луна; но никто не замѣтилъ её! Восхитительно пѣлъ за ближнимъ холмомъ соловей: никто не слыхалъ его! Гости заняты были картами и бальною музыкою. Уже примѣтно колебались, отъ пріятной усталости, бѣлыя груди красавицъ; лѣнивѣе двигались смычки; тусклѣе сіяли давно-зажженныя свѣчи, за карточными столами расчитывались, а на другихъ столикахъ, въ ближней залѣ, появились вкусныя блюды. — Ночь къ разсвѣту, а пиръ къ концу; зазвѣнѣли стаканы, закипѣло Шампанское.... и *онъ* вошелъ. — Все было его. Скорая, дерзкая

походка, видный ростъ, что-то особенное въ приемахъ и чертахъ лица. . . . Я не умѣю описать ихъ: онѣ безпрестанно измѣнялись. — Онъ подошелъ къ хозяину, къ хозяйкѣ, какъ свой, и проворно пошелъ искать знакомыхъ между гостей. Того за руку, тому поклонъ; другому взглядъ значительный, слово полупонятное. Знатные гости, Маркизы и Бароны, платили пришельцу за привѣтъ привѣтомъ; для него напѣнивали покалы, ему подносили лучшія блюда. Дамы потчивали его фруктами. Только дѣти, по какому-то невольному чувству, чуждались для нихъ непривѣтнаго гостя: онъ еще не былъ имъ знакомъ. Но ему не до дѣтей! Онъ щедро разсыпалъ поклоны и привѣтствія Вельможамъ и Дамамъ, и свѣтскія дѣвушки твердили въ одинъ голосъ: „какъ онъ милъ!“ Но кто этотъ *онъ*? спросилъ одинъ гость у другаго, другой у третьяго, и такъ все далѣе. На всѣ вопросы былъ одинъ отвѣтъ: „не знаемъ!“... Никто не хотѣлъ сказать ни мѣста — *гдѣ*, ни времени — *когда* съ нимъ познакомился. Мы видимъ его всякой день на булеварахъ, въ театрѣ; онъ вхожъ въ домы.... но никто не называлъ его настоящимъ именемъ, какъ будто остерегаясь

открыть, что его знаетъ; а между тѣмъ всякой, съ ласкою ему кланялся, потому что всѣ дѣлали то-же. Начались опять танцы: онъ приправлялъ ихъ какою-то особою ловкостію; всѣ ласкались къ незнакомому знакомцу. Онъ сѣялъ огонь и заразу въ словахъ и взглядахъ. Въ сторонѣ сидѣла одна гостья, не обращая на себя особаго вниманія: не первая по молодости, не первая по красотѣ, она по всему была единственная. Стройный ростъ, грудь спокойная, какъ дитя подъ пеленою колыбельною, темные глаза, въ которыхъ свѣтилось чувство ясной души, въ которыхъ часто сверкали чистыя слезы любви и участія; лице, на которое такъ же весело было смотрѣть, какъ слушать о благородномъ подвигѣ, какъ утѣшаться сіяніемъ весенней радуги: вотъ черты красоты, не для всѣхъ прекрасной! Многіе считали ее простою, деревенскою женщиною; но за то немногіе называли ее несравненною. Предъ ея непринужденною скромностію увядали пылкія желанія, и разцвѣтало сердце новою, святою жизнію. Въ порывахъ дерзкой вольности, никѣмъ неназванный незнакомецъ обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣла прелестная. Его

бѣглый, горячій взглядъ встрѣтился съ ея постояннымъ взоромъ: такъ вспыхнувшій надъ гнилымъ болотомъ огонь встрѣчается съ сіяніемъ занимающейся денницы! . . . Смятенный, какъ узнанный преступникъ, остался онъ нѣмъ и не подвиженъ; казалось, очарованіе его зависѣло отъ одной минуты. Обличенный, онъ потерялъ свою дерзость, и пошелъ съ поникшей головою, какъ хищникъ съ неудачной ловитвы.

Пригожій молодой человѣкъ, наслѣдникъ богатаго имѣнія (у котораго сердце было — книга съ бѣлыми листами, а лице — начатый абрисъ какой-то физіогноміи), большими ясными глазами, которые однакожъ ничего не говорили, смотрѣлъ на продолженіе пира, и терялся въ какихъ-то неясныхъ мечтаніяхъ. . . . Онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда люди приходятъ къ первому распутію жизни. Учитель сказывалъ ему, что есть двѣ дороги: одна къ добродѣтели, другая къ пороку. . . . Ты будешь мой! сказалъ съ жаромъ незнакомецъ; схватилъ его за руку и повелъ въ дальнія комнаты. — Они дружески разхаживали, напѣнивали покалы, и съ какимъ-то безпокойнымъ чувствомъ смотрѣли на кар-

тины и бюсты. Угрюмый Катонъ не обратилъ ихъ вниманія; съ презрительною улыбкою указалъ незнакомецъ на бюстъ Фенелона, и съ жаромъ ему свойственнаго краснорѣчія порицалъ равнодушіе молодаго человѣка при взглядѣ на лице прелестной Аспазіи! — Въ суетѣ общаго разъѣзда, никѣмъ незамѣченный, онъ умчалъ его съ собою. . . . И послѣ (былъ слухъ) неосторожные родители плакали о судьбѣ потеряннаго сына.

III.

НЕУЗНАННАЯ.

Въ древней Пальмирѣ, гдѣ теперь пустынныя бури движутъ песчаныя моря, въ то время, когда великолѣпный градъ сей увядалъ въ самомъ цвѣтѣ своего мнимаго величія, когда наружный блескъ видимости явно противорѣчилъ съ тайными предчувствіями сердецъ, когда молвы, гаданія и слухи являлись по домамъ, какъ невидимые вѣстники.... вдругъ показалась многимъ и во многихъ мѣстахъ — *она*. — Всѣ чувствовали присутствіе ея, никто ее не узнавалъ. Иные называли ее духомъ, другіе мечтою, иные какимъ-то тайнымъ соглядатаемъ. — Неузнанная въ чертогахъ, гонимая во градѣ, она удалилась.

Буря шумѣла. Ясныя молніи, какъ огненные ручьи, извиваясь пробѣгали по черному Аравійскому небу. Зыбкія поля, скрѣпленныя искуствомъ, взламывались вихремъ и стройныя

пальмовыя рощи трепетали. . . . При большой дорогѣ лежалъ, раскинувшись подъ деревомъ, человѣкъ. — Молніи освѣщали глубокое отчаяніе на оливковомъ лицѣ его; черные кудрявые волосы стояли щетиною; грудь холмилась. . . . Мѣра преступленія его исполнилась, душа требовала очищенія. Тутъ явилась къ нему неузнанная. — Среди бури, колебавшей природу, она была спокойна и ласкова, какъ свѣтлое чувство дѣтской радости, легка какъ духъ, стройна какъ пальма, въ бѣлой одеждѣ, въ вѣнкѣ изъ свѣжей зелени, съ злашою чашей въ рукахъ. Безмолвно остановилась она предъ нимъ, и глаза его, сверкающіе какъ яркіе угли, встрѣтились съ ея тихими взорами. Такъ иногда красное губительное пламя, вылетающее изъ жерла кипящаго волкана, встрѣчается съ ласковымъ сіяніемъ стоящей надъ нимъ луны! — Онъ долго въ нее всматривался, и узналъ ее и понялъ ся безмолвіе. — „Подай, я согласенъ!“ И, протянувъ жилистую руку, которой силу чувствовали дикіе кони пустыни, онъ съ дѣтскою покорностію принялъ сосудъ, и выпилъ все до дна. Горько какъ полынь, растущая на развалинахъ, показалось ему питіе. —

Но онъ стерпѣлъ. Огонь пробѣжалъ по всѣмъ составамъ его существа. Все старое сгорало. Но мало по малу буря уступила мѣсто порядку, и обновленіе слѣдовало за пожаромъ. Сердце его таяло, и застарѣлыя преступленія изливались слезами, и съ тяжкими вздохами вылетали изъ холмистой груди его. Сила уступала гармоніи; мятежъ замѣнялся тишиною, и медленно, медленно на уста, испившія горечь, выступала сладость неописанная. Что-то небывалое поселилось въ груди его. Живыя сладкія утѣшенія, свѣтлѣя постепенно въ душѣ, озаряли ее новымъ разсвѣтомъ, новымъ свѣжимъ утромъ яснаго бытія, неизвѣстнаго въ кипящемъ бореніи страстей и въ темнотѣ холодныхъ сомнѣній. Ему казалось, что его принимаютъ опять въ семейство людей, отъ котораго онъ былъ отброшенъ, и образъ человѣка для него становился почтеннѣе. Онъ началъ чувствовать удовольствіе — быть на землѣ. — Его дни стали веселы, какъ праздники, и ночи тихи, и сновидѣнія усладительны! Онъ не видалъ уже болѣе ни крови, ни ножей, ни посинѣлыхъ устъ умирающаго. Новый міръ, новое небо представлялись душѣ его. Часто осѣнялъ ее теплый

ароматный духъ, вѣявшій изъ какого-то неизвѣстнаго края. Младыя дѣвы, въ бѣлѣйшихъ воздушныхъ одеждахъ, усѣянныхъ ясными искрами изъ желтаго злата, въ свѣтломъ хорѣ, стройно и медленно колебались предъ нимъ на зыбкихъ перламутровыхъ облакахъ. Иногда видалъ онъ, въ неизвѣстной отдаленности, невѣдомую, очаровательную страну, гдѣ существа легкія, какъ наши мысли, плавали (такъ весело, какъ надежды въ душѣ человѣка) въ какомъ-то неизъяснимо-прелестномъ свѣтло - фіолетовомъ сіяніи. Оттолѣ вѣяло обновленіемъ, жизнію, духовною прохладой, свѣжимъ благодатнымъ успокоеніемъ и сладкимъ благовоніемъ безсмертія. Такъ занималась заря благоденствія въ душѣ обновленнаго. Прошедшее темнѣло за нимъ, какъ грозная ночь; впереди разгарался яснѣе и яснѣе тихій, привѣтливый день.

Прошли годы и годы. . . . На часахъ судьбы пробилъ таинственный часъ, свершился жребій Пальмиры, и въ запустѣлыхъ окрестностяхъ великаго града видали почтеннаго Эмира, бѣлобрадаго старца, когда онъ, обращаясь лицемъ къ странѣ Востока, сладкою бесѣдой поучалъ многочисленное племя свое чистотѣ

и нравственности. — Это былъ онъ, принявшій сосудъ изъ рукъ неузнанной. Но кто же была *она!* Преданіе говоритъ, что онъ самъ называлъ ее *совѣстію*, а иногда и другимъ именемъ, похожимъ на первое.

IV.

ЗАГАДКА.

Прекрасная невѣста, высокой породы, обручилась съ милымъ женихомъ на своей родинѣ. — ,,Но тебѣ нужно испытаніе: будешь ,,ли и въ разлукѣ вѣрна обрученному?" Такъ сказалъ отецъ — и невѣсту снарядили въ чужой и далекой край. Ей поднесли золотой кубокъ съ питіемъ забвенія. — Выпила, уснула. — Сила, подобная притяженію магнита, съ быстротою молніи увлекла усыпленную. — Еще не обсохла прощальная слеза, какъ прелестная пробудилась подъ другими небесами, въ какомъ-то новомъ незнакомомъ мірѣ. — Искусный мастеръ сдѣлалъ ей подвижную темницу. У нея отняли вольность; но оставили ей волю. И дано ей пять приставниковъ, которые были ея слугами и стражами, и единственными проводниками между нею и всѣмъ ее окружающимъ. — И

лживы, по природѣ, сіи пять приставниковъ. Отъ отца же былъ такой завѣтъ: благородная узница не возвратитъ свободы своей, доколѣ ясно и вѣрно не узнаетъ и не поймет, гдѣ и для чего она находится: и было другое условіе: тогда освободится заключенная, когда темница ея, которая таетъ отъ времени, какъ ледъ отъ лучей солнечныхъ, сама собою раскроется. И тогда, если останется еще въ ней память о прежнемъ: о милой родинѣ далекой, о женихѣ, который родился прежде, чѣмъ зародилось время, но былъ свѣжъ и молодъ, какъ заря утренняя; если не забудетъ своего высокаго и свѣтлаго произхожденія: тогда опять, какъ будто отъ сна пробужденная, она очутится съ своими милыми ближними, въ своей отчизнѣ дальней. Но если забудетъ все прежнее, былое; если полюбитъ страну испытанія: — то на-долго останется тамъ, гдѣ есть и гдѣ ей быть самой понравилось.

Но, бѣдная узница, отъ кого узнать ей: и *гдѣ* и *за чѣмъ* она? — Питіе забвенія помрачило ея свѣтлое существо. Сохранилось у ней темное воспоминаніе, что гдѣ-то была она прежде, и кого-то оставила въ иной

сторонѣ. — Долго она только смотрѣла на окружавшій ее міръ и ничего еще не видала, кромѣ самой себя. Все ее пугало, все приводило въ изумленіе. Наконецъ, стала различать, въ слитномъ смѣшеніи предметовъ, существа къ ней ближайшія. Но съ какою печалію замѣтила, что всѣ ихъ ласки, всѣ попеченія обращались только къ поддержанію темницы ея! и тверже день ото дня становилась темница сія, и крѣпче цѣпь, привязывавшая ее къ бытію, ей чуждому.

Настало урочное время; плѣнница ощутила власть надъ своими пятью приставниками и поспѣшила, чтобъ исполнить завѣтъ ей памятный: узнавать, чрезъ нихъ, гдѣ находится. Разсылаетъ всѣхъ и въ высоту, и въ глубину, и въ даль, и по всѣмъ направленіямъ. — Скоролетные разлетаются. — Но, невѣрные въ своихъ наблюденіяхъ и жадные только къ собственному наслажденію, они приносятъ ей вѣсти все ложныя. Должно непремѣнно повѣрять одного другимъ, чтобъ узнать истину. А между тѣмъ въ одной съ нею храминѣ живутъ жилицы, лукавыя волшебницы. Онѣ знакомятся съ нею, и отъ ранняго утра до позднаго вечера нашепты-

ваютъ ей свои затѣйливые разсказы о прелестяхъ той стороны, куда она зазвана какъ гостья на веселый пиръ. Ей говорятъ о почестяхъ, о славѣ, о выгодахъ, о богатствѣ, о наслажденіи. Невинная ничего не разумѣетъ; а уразумѣвъ, отъ всего отказывается; ибо способы къ достиженію предлагаемаго возмущаютъ ея первородную чистоту. „Нѣтъ,“ говоритъ плѣнная красавица, „не „это дорого въ нашей милой сторонѣ!“ Но гдѣжь эта милая сторона? Она сама ничего о ней сказать не можетъ. Волшебницы смѣются надъ ея мечтами, называютъ странными ея понятія о бывшемъ и будущемъ, о темномъ и невѣрномъ *будущемъ*, и зазываютъ пристыженную на шумное празднество *настоящаго*. — Ихъ посолъ искусный живописецъ. — Онъ яркими красками и роскошною кистію изображаетъ ей картины веселой жизни, забавы и наслажденія. . . . . Ничто не утѣшаетъ унылую; она боится отстать отъ того, чего ни забыть, ни припомнить не можетъ, что иногда бываетъ ей очень ясно и чего объяснить не въ состояніи. — Но ее подкрѣпляетъ невѣдомый утѣшитель. — Часто, въ тишинѣ ночи, когда

засыпають зоркія волшебницы, подлетаетъ кто-то въ лучѣ утренней зари и шепчетъ плѣнницѣ: „Не унывай!" И сей голосъ, мимолетный, какъ все прекрасное въ жизни, напоминаетъ ей о томъ неизмѣнномъ блаженствѣ, которымъ наслаждалась она нѣкогда. — *Прелестное* въ музыкѣ, *высокое* въ поэзіи, *изящное* въ искуствахъ называла она гостьми изъ своей родины, и радовалась имъ, какъ радуются соотечественникамъ на чужой сторонѣ: но невольныя сравненія помрачали минутную радость: „Здѣсь," говорила она, „велятъ мнѣ ненавидѣть, а тамъ (я живо помню) общій законъ былъ — любить. Тамъ вѣчная весна любви, тутъ всегдашній холодъ себялюбія. Тамъ (мнѣ это памятно) всякой понималъ мысли и чувства мои прямо, какъ понимаютъ здѣсь цвѣты и звуки. Тутъ сколько нужно грубыхъ орудій, сколько мертвыхъ буквъ и темныхъ оборотовъ для выраженія одного живаго чувства, одной свѣтлой мысли! . . . Мнѣ помнится, я жила тамъ, гдѣ нѣтъ ни вчера, ни завтра, гдѣ всегда одинъ продолжительный не вечерѣющій день, никогда несмѣняемый ночію. — Здѣсь такъ высоко цѣнятъ время, чтобы дѣлать изъ

него такое низкое употребленіе! — Ахъ, еслибъ они знали, что цѣлые вѣки изчезаютъ въ одной минутѣ созерцанія того, кого я нѣкогда видала такъ близко, и отъ кого теперь такъ удаленна стала.“

Она любитъ картины природы и съ любопытствомъ смотритъ на величественное теченіе бури, когда кипящее море силится выхлынуть изъ гранитныхъ береговъ, и лѣса со скрыпомъ ложатся подъ тяжкою стопою незримаго исполина воздушнаго. — Но ей болѣе нравятся тихіе вечѐра, когда весна, какъ молодая заботливая мать, дышетъ ароматомъ и жизнію надъ колыбелію пробуждающейся природы; когда каждый цвѣтокъ осыпанъ алмазами росы, и въ каждой каплѣ зыблется полная луна, или отражается подобіе одной изъ звѣздъ небесныхъ. . . . . „Ахъ! сія тишина, восклицаетъ она, напоминаетъ мнѣ о моемъ отечествѣ: оттолѣ изтекаетъ всякая тишина, тамъ вѣчно сіяетъ миръ ненарушимый.“

Такъ тоскуетъ тоскою таинственною невѣста прекрасная о своемъ возлюбленномъ. — Она сравниваетъ себя съ свѣтлымъ лучемъ, погруженнымъ въ мутные туманы, и старается не утратить своей ясности.

Ужѐ познала, наконецъ, страну своего заключенія и все ничтожество сокровищъ ея, и бодрѣе сражается съ волшебницами и не вѣритъ слугамъ и приставникамъ. Между ними и собою, или лучше сказать, между собою и собою поставила она духъ Отца своего — истину. Съ тѣхъ поръ обманы прекратились, ибо сквозь врата истины не проходитъ ни что ложное. Тутъ ей открылась ея таинственная судьба, ея высокое назначеніе. Но срокъ неволи не протекъ. Впечатлѣніе воспоминанія о прежнемъ отечествѣ столько еще было сильно, что она не могла его нечувствовать; но сама она въ неволѣ такъ ослабѣла, что не могла уже расторгнуть цѣпи своей. Въ такомъ бореніи оставалась заключенная — и жизнь стонала въ оковахъ вещества.

Но время наступаетъ.... И спокойно смотритъ обрадованная, какъ тончаетъ темница ея — и, бодрѣе сражаясь съ волшебницами, смѣется надъ ихъ тоскливымъ сомнѣніемъ и весело восклицаетъ: „Онъ близокъ, часъ моей свободы!"

И вотъ уже примѣтно дряхлѣетъ темница; уже шатаются крѣпкія связи.... И плѣнница

становится какъ будто умнѣе, ибо стала — опытнѣе. — У нея, кажется, выростаютъ крылья! Я не отстала еще отъ милаго, говоритъ вѣрная: тоска по немъ соединяетъ меня съ нимъ. — И скоро . . . . скоро . . . . я полечу, полечу, какъ голубица свободная, въ его объятія сладкія, въ мое отечество прекрасное. . . . Тамъ будетъ награда вѣрности за любовь и терпѣніе.

V.

СТРАШНАЯ ГОСТЬЯ.

Дѣдушка! отъ чего бываешь ты часто задумчивъ и такъ печаленъ, такъ унылъ?...

Д ѣ д ъ.

Ахъ! дитя, скоро придетъ ко мнѣ *страшная гостья*, и уведетъ меня далеко отсюда....

В н у к ъ.

А какова она, дѣдушка, собою?

Д ѣ д ъ.

„Ахъ! страшная, страшная! Костяной оставъ: на ней нѣтъ ни одежды, ни кожи; на плечахъ только черепъ безвласый, и зубы..... Она ходитъ всегда съ ужасною косою..... Ахъ! дитя, отъ ея холодной улыбки замираетъ сердце; въ ея тѣсныхъ объятіяхъ вся кровь застываетъ.“ Внукъ, доброе дитя, всякой день смотрѣлъ и прислушивалъ, не придетъ ли *страшная*..... Но прошла туманная осень; лѣса̀ и дубравы, съ

унылымъ воемъ, пороняли свои желтыя листья; луга завяли; земля намокла и застыла, а *страшная гостья* не являлась. — Пришла зима и заслала долины мягкими снѣгами: она убирала лѣсà и кустарники въ хрустальныя зеркаловидныя привѣски; часто на разсвѣтѣ морознаго утра посыпáла поля алмазными искрами, и, какъ будто хитрою кистію, рисовала на стеклахъ узоры кудрявые. . . . А *страшная* все не приходила. — Снѣжные бугры, подтаявъ снизу, вдругъ обрушились и полились разновидными ручьями, которые шептали днемъ, и громкимъ говоромъ, въ безмолвіи яснолунной ночи, извѣщали природу о близкой веснѣ и свободѣ. Наконецъ, Богъ знаетъ откуда, слетѣла ласковая весна; зазеленѣли, мѣстами, долины; показались подснѣжники; первыя пчелы, еще полусонныя, полетѣли на ароматный запахъ млечновидной черемухи; взвились жаворонки, роняя съ высоты разсыпчатые звуки умильной пѣсни своей; засвистали малиновки, и громкой соловей утѣшалъ природу, какъ влюбленный женихъ свою прекрасную невѣсту.

Въ одинъ роскошный весенній вечеръ, вмѣстѣ съ лучами зари и съ благовонным дыханіемъ

луговаго вѣтерка, вдругъ вошла въ хижину *величавая гостья*, какъ тихое сновидѣніе.... На ней было платье бѣлое и тонкое, какъ утренній туманъ; стройный станъ опоясанъ златымъ поясомъ; русые волосы, струясь, мѣшались съ легкимъ зеленымъ покрываломъ и на головѣ сіялъ чистый золотой вѣнецъ съ свѣжими незабудками; на ладони правой руки несла она бабочку, которая только-что выпорхнула изъ мертвой оболочки своей къ новой жизни, къ новому неизвѣстному ей бытію. *Незнакомая* вошла неожиданно. Не слыхать было походки ея и двери сами собою предъ нею растворились. Она вошла — и заперлась дверь безъ скрыпу..... И послышался ласковый голосъ.... Долго разговаривала она со старцемъ языкомъ невѣдомымъ.... Наконецъ тихій шопотъ замолкъ, и *гостьи* не стало. — Внукъ созвалъ сосѣдей, и увидѣли, что дѣдъ опочилъ сномъ безпробуднымъ....

„А гдѣ же *страшная?*" спрашивалъ внукъ, съ дѣтскою невинностію, всякаго.... „Для *добрыхъ*, (отвѣчалъ ему сельскій священникъ) не бываетъ она никогда *страшною!*..."

VI.

ОПЫТЪ ПОЛИ-МЕТРА.

Конь, утомленный путемъ, наѣвшись подножнаго корма, дремлетъ спокойно; а бодрый ѣздокъ подлѣ сидитъ и взираетъ, въ тишинѣ безмятежныя ночи, на синее небо, на звѣзды златыя.... Глядитъ и — мечтаетъ о своемъ дальнемъ пути, о тѣхъ городахъ, о тѣхъ царствахъ, по которымъ сей путь пролегаетъ. — То же и съ нами: съ нашимъ тѣломъ и духомъ: *первое*, чувства насытя сластями сей дольнія жизни, спитъ; а *другой*, лишь улягутся страсти, не дремлетъ, а смотритъ на небо и мыслитъ о пути неизвѣстномъ, далекомъ....

VII.

НЕПОНЯТНЫЙ СОЮЗЪ.

Прелестныя серебряныя звѣзды ясно свѣтлѣли на черномъ Аравійскомъ небѣ; пустыня вторила звонкое рыканіе льва и сердитый ревъ тигра; а вольные Арабы Іемін, вблизи древнихъ развалинъ неизвѣстнаго города, спокойно лежали подъ шатрами своими, слушая сладкія восточныя повѣсти и дружелюбно поглаживая именитыхъ коней своихъ. Въ одномъ изъ шатровъ, старый Абуфаръ продолжалъ повѣствованіе о необыкновенной встрѣчѣ въ жизни своей. Онъ говорилъ:

„Итакъ путешественники, одушевленные святымъ усердіемъ, проходили знойные пески, направляя путь къ Меккѣ. Верблюды, *корабли пустыни*, важно тянулись въ пестромъ караванѣ, и красивые кони — друзья Арабовъ — легко играли подъ статными метателями джерида. — Между многими уро-

женцами далекихъ странъ, я замѣтилъ одну чету и не спускалъ ее съ глазъ. *Онъ* и *она* составляли разительную противоположность, но были соединены тѣсно. — Онъ искривленъ, тяжелъ и черенъ, какъ уголь; она стройна, какъ пальма, легка, какъ благовонный дымъ алоя или душистой амбры, и бѣла, какъ пухъ лебединой. — Странное несходство и непонятная между обоими связь! *Онъ* любилъ питаться грубыми яствами, *она* искала совсѣмъ другой пищи. Съ дикою алчностію пожиралъ онъ кровавыя мяса и глоталъ запрещенной напитокъ. *Она*, на-противъ, питалась только легкимъ сокомъ, или, лучше сказать, ароматомъ плодовъ и растѣній. И когда всѣ люди и верблюды — съ жадностію бросались къ пустынным водометамъ — *она* одна, съ непонятнымъ спокойствіемъ, ожидала окончанія суеты и, глотая издали одну свѣжесть, одну легкую алмазную пыль летящихъ струй, веселилась, какъ дитя, радужною игрою лучей въ водопадѣ. Никогда не видали ее алчущею, никогда не слыхали жалобъ ея на жажду и зной. Смиренно-терпѣливая, *она* насыщала гладъ, говоря о правдѣ, о добродѣтели, о чистотѣ, о высокой любви; а жажду

утоляла повтореніемъ, про себя, сладкихъ стиховъ Корана. Окутанная лёгкою, бѣлою, какъ *она*, одеждою изъ киссеи тонкой, какъ воздухъ, *она* казалась перломутровымъ облакомъ, которое пролетаетъ иногда по темно-синему небу нашей Іеміи.

Кроткая, какъ голубица, непорочная, какъ дѣва рая, и невинная, какъ дитя, *она* всегда любила ласкать дѣтей, и казалось, что будучи съ ними, становилась ими, а они *ею*. — *Онъ*, тучный и неопрятный, спалъ безъ просыпу; *она*, чистая, воздушная, проводила и ночи безъ сна. Когда утренняя звѣзда зажигалась ясно, какъ жизнь новорожденнаго младенца, когда начиналъ дуть свѣжій вѣтерокъ, гоня передъ собою цѣлое море ароматовъ свѣянныхъ съ цвѣтущихъ долинъ, тогда вдохновенные дервиши восклицали: „вотъ часъ, въ который Господь призираетъ на землю и „громко вопіетъ, да услышутъ правду Божію „судіи и пастыри народовъ земныхъ.“ — Сонливый ничего не слыхалъ; но *она* благоговѣйно становилась, въ часъ сей, на колѣни и молилась, какъ только можетъ молиться безтѣлесная. Мы никогда не слыхали разговора *ея*.... *Она* не говорила по нашему. Одинъ

только *онъ* могъ понимать языкъ, которымъ *она* разговаривала; иногда видали мы, какъ *она* указывала ему на разныя мѣста въ Коранѣ. При омовеніи рукъ, на примѣръ, *она* открывала слѣдующій стихъ: „Правовѣрный! умывай руки „семь разъ на день; но помни, что душа твоя „должна быть въ семьдесятъ семь разъ чище „седмерицею умытыхъ рукъ! Тако угодиши „Богу: зане Богъ благъ и всемогущъ.“ *Безобразный* читалъ и хмурился. Заходилъ ли разговоръ о Божествѣ и человѣкѣ; *она* указывала на то мѣсто, гдѣ Пророкъ говоритъ: „Богъ шествуетъ между человѣкомъ и его сердцемъ!“ И однажды, когда путешественники разсуждали, какъ надо жить, *она*, съ увѣренностію, указала *ему* на извѣстный стихъ Корана: „человѣкъ! когда ты родился на свѣтъ, тог„да всѣ радовались, одинъ ты плакалъ: живи „такъ на свѣтѣ, чтобъ въ часъ смерти „твоей, всѣ плакали, одинъ бы только ты „радовался.“

Такъ наводила *она* его на всякое добро; но *онъ* не любилъ ее слушаться. Однакожь одинъ только *онъ* умѣлъ съ нею разговаривать, какъ свой съ своимъ, и на вопросъ: „кто *она*?“ всегда отвѣчалъ: „*нездѣшняя*!“

Онъ ее мучилъ и любилъ! *Она* много-много отъ него страдала, однакожъ не могла съ нимъ разлучиться.

Наконецъ достигли Мекки, и *безобразный*, прежде чѣмъ зайти въ домъ молитвы, повлекъ свою *прекрасную* въ домъ пира и разврата. Такъ *онъ* и скрылся отъ нашихъ глазъ! Мольщики исполнили долгъ и весело возвращались въ свои города — *безобразный* уже не возвращался! . . . Послѣ (былъ слухъ) пресыщенный чрезъ мѣру брашномъ, *онъ* гдѣ-то уснулъ и не пробуждался болѣе! Но *она* возвратилась, и какъ говорятъ, воспѣвая веселыя пѣсни близкимъ путемъ въ свое далекое отечество. — „Кто жъ этотъ *онъ*? — и кто *она*?“ — вопрошали нетерпѣливо юные слушатели — стройный Алманзоръ и стыдливая Лейла, у которой черныя очи сіяли влажнымъ огнемъ . . . . „Ужь *онъ*, конечно, *не духъ*; а *она*, вѣрно, *не тѣло*!“ Такъ сказалъ старый Абуфаръ и замолчалъ.

VIII.

ЗЛАТОПЕРАЯ ПТИЧКА.

(Восточная повѣсть.)

„Хорошо ли ты знаешь человѣческое сердце?“ спросилъ однажды юный Сеидъ престарѣлаго пустынника Абуфара, постигшаго высокую науку, повелѣвать духами и читать въ тайной книгѣ природы. — Старецъ безмолвно указалъ на сѣдую свою голову и симъ какъ будто сказалъ онъ: я дожилъ до сѣдыхъ волосъ, прилѣжно наблюдая людей; — какъ же не знать мнѣ ихъ сѐрдца? „Отъ чего же оно вѣчно нещастливо, вѣчно тревожится: не успѣетъ порадоваться, опять груститъ, желаетъ, ищетъ, находитъ и опять желаетъ — отъ чего это все?“ — „Отъ того, отвѣчалъ хладнокровно старецъ, что человѣкъ не знаетъ истинной цѣны вещамъ. Всѣ вещи въ мірѣ можно сравнить съ огромною грудою золотыхъ монетъ, изъ которыхъ большая часть поддѣльныхъ.“ „Что же хочешь ты изъ этого

вывести?" возразилъ нетерпѣливый юноша. „А вотъ что: познай цѣну вещамъ, и кругъ желаній твоихъ, который равняется теперь, можетъ быть, цѣлому кругу земному, тотъчасъ сдѣлается едва примѣтнымъ въ собственныхъ глазахъ твоихъ." — „Не ужель это правда, отецъ мой! и почему же это такъ?" „Потому, что истинно дорогихъ вещей въ свѣтѣ такъ мало, и онѣ, по благости Вышняго, такъ близки къ человѣку, что совсѣмъ не нужно придавать желаніямъ крылья, а стòитъ только, такъ сказать, протянуть руку, чтобъ достать все, что намъ истинно необходимо; повѣрь мнѣ, вещей изъ чистаго золота очень мало: все почти мишура и позолота, которую мы же сами, и для собственныхъ нашихъ мукъ, наводимъ на предметы вожделѣній нашихъ." — „Это тайна: объясни мнѣ ее наперсникъ мудрости!" — „Пусть объяснитъ тебѣ *златоперая*, отвѣчалъ старецъ, и указалъ на розовой кустикъ, гдѣ сидѣла золотая птичка. „Иди за нею, гляди и примѣчай! Ровно черезъ сутки будетъ она опять здѣсь, и если ты отъ нея не отстанешь, то мы объяснимся подробнѣе." — Пустынникъ подалъ знакъ, златоперая вспорхнула, и Сеидъ пошелъ за нею.

Птичка все далѣе, далѣе; а юный путникъ все впередъ, впередъ. Наконецъ мелькнула вдали вода. Птичка порхнула и уже на томъ берегу, а Сеидъ еще на этомъ. Рѣчка не широка, но глубока. Юноша присѣлъ обождать перевозщика, смотритъ и . . . . злапоперая также присѣла, и гдѣ же? — у изголовья уснувшей красавицы! Сеиду кажется, что онъ видитъ одну изъ райскихъ Гурій; она спала въ прелестномъ беспорядкѣ, рѣзвые зефиры играли съ ея покрываломъ и одеждою; что повѣетъ вѣтерокъ, то новыя красы. . . . Сеидъ увидѣлъ полную, бѣлую грудь — и пламень пробѣжалъ по жиламъ его! Увидѣлъ прелестное лице — и неописанное восхищеніе проникло до послѣдняго изгиба его сердца! — Онъ весь превратился въ зрѣніе: смотритъ — и влюбляется; еще смотритъ — и не слышитъ, какъ сердце его улетаетъ къ ногамъ прелестной; а злапоперая все сидитъ въ головахъ. — Неописанная грусть томитъ и терзаетъ юношу: онъ ходитъ въ отчаяніи по берегу и ломаетъ руки. Вдругъ въ-далекѣ мелькнула тѣнь, показался челнокъ, и Сеидъ опрометью бросился на встрѣчу къ плывущему; это былъ престарѣлый рыбарь: онъ перевозитъ юношу. Восхи-

щенный, ощасшливленный Сеидъ бросаешъ горсть золота перевозщику, и бѣжишъ къ мѣсту, гдѣ надѣешся найши красавицу, свое сердце и злашоперую спушницу . . . Тысяча надеждъ, желаній, разщешовъ и предпріяшій волнуюшъ грудь бѣгущаго. — „О! кшо бы шы ни была, думаешъ юноша, я упаду къ ногамъ швоимъ, призову небо и землю въ свидѣшели любви моей, и смягчу швое сердце. — Можешъ бышь шы ушрашила пушь и блуждаешь въ сей уединенной странѣ: я проведу шебя въ мѣсша швоей родины, — буду защищашь отъ люшыхъ звѣрей и неусыпно бодрсшвовашь на стражѣ во время пріяшнаго сна швоего . . . Можешъ бышь, шы нещасшна, гонима судьбою, преслѣдуема нуждою?... О! я изшоргну шебя изъ желѣзныхъ когшей нищешы, осыплю всѣми цвѣшами богашсшва и роскоши. Чершоги ошцевъ моихъ полны сокровищъ, въ садахъ чершоговъ моихъ вѣчная зелень; свѣшлые водомешы прохлаждаюшъ зной дневный и весело играюшъ съ лучами свѣшилъ небесныхъ . . . Пойдемъ, о прелесшная! день сулишъ шебѣ радосши, и ночь обѣщаешъ наслажденія; шебя ожидаюшъ злашыя шкани, благоуханіе цвѣшовъ и куреніе масшикъ. . . . Пойдемъ.“ —

Съ симъ словомъ юноша приближается къ спящей красавицѣ, и, тихо приникнувъ, хочетъ прикоснуться краю одежды ея; но злапоперая вспорхнула — и Сеидъ цѣпенѣетъ, дрожитъ; недоумѣніе оковало его чувства и ужасъ оледенилъ кипящую кровь! Злапоперая вспорхнула — и прелесть изчезла. Тамъ, гдѣ спала красавица, Сеидъ увидѣлъ голый остовъ давно истлѣвшаго трупа: страшная жаба гнѣздилась въ черепѣ и кости отъ вѣтра стучали! . . . Между тѣмъ злапоперая кружилась и звала путника далѣе. Изумленный идетъ, не постигая тайны очарованія. — Воздушные пути просторны: злапоперая летитъ куда хочетъ, а Сеидъ идетъ куда ей хочется; ни кустарники, ни овраги не останавливаютъ юношу. Однако непроложенной дорогой не далеко пройдешь. Сеидъ пришелъ къ топкому болоту: ни перейти, ни переѣхать! Между тѣмъ ночь обложила окрестности, все потемнѣло вблизи и вдали, только злапоперая свѣтилась какъ искра въ воздухѣ. Птичка перепорхнула за болота и присѣла на кустикъ, а Сеидъ остался ждать утра. Онъ ищетъ глазами свою вожатую — и новое чудо! — Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла птичка, Сеидъ увидѣлъ груду доро-

гихъ каменьевъ. Показался край луны изъ за облака — и сокровище сдѣлалоcь еще виднѣе. Длинные лучи сверкали изъ подъ зелени; необычайный блескъ разливался кругомъ того мѣста, гдѣ сидѣла злапоперая. — „Я не нашелъ красавицы, думалъ Сеидъ, такъ найду сокровище. Какъ обрадую сестеръ и матушку, принеся имъ множество камней, которымъ подобныхъ не найдется, можетъ быть, на цѣломъ Востокѣ!" — Такъ думалъ Сеидъ и двадцать разъ пробуждался, чтобы взглянуть, тутъ ли еще сокровище. Ночь тянулась, какъ вѣчность. . . . . Драгоцѣнности сіяли яснѣе звѣздъ; наконецъ наступило утро. — Юноша вспрянулъ, и, при аломъ блескѣ догорающей зари, побѣжалъ вдоль по болотистой полосѣ искать переправы. Въ одномъ мѣстѣ видитъ тропинку: идетъ, вязнетъ, освобождается, хватаясь за кустарники, и наконецъ онъ уже на той сторонѣ! — Нетерпѣливый бѣжитъ; алмазы и яхонты свѣтятся; но злапоперая вспорхнула — и Сеидъ, вновь обманутый Сеидъ, ничего болѣе не видитъ, кромѣ груды дикихъ камней, гнилаго дерева и сѣраго песку!

Такимъ образомъ всё порхала и обманывала его злапоперая. Сядетъ на терны — алѣютъ

розы; улетишь — торчать иглы! Присѣла на утломъ пнѣ — подъ нею глыба серебра; улетѣла — осталась гнилая колода! Садилась ли злашоперая на сухое дерево — зеленѣло; прикасалась къ увядшимъ цвѣтамъ — оживали! Но утреннія тѣни пальмъ и кедровъ сократились, зной запылалъ, пастухи и стадà искали прохлады: все возвѣщало полдень. Злашоперая помнила назначенный часъ и кратчайшимъ путемъ привела непримѣтно Сеида къ хижинѣ мудраго Абуфара. — „Здравствуй, Сеидъ! сказалъ улыбаясь старецъ: доволенъ ли ты своею спутницею?" — „Отецъ мой! воскликнулъ юноша, не стану разсказывать тебѣ, что я видѣлъ, и что испыталъ; но скажи, ради самаго Пророка, скажи мнѣ скорѣе, что это за чудесная злашоперая птичка?" — „Ее зовутъ, отвѣчалъ старецъ: *воображеніемъ!* Такъ, сынъ мой! воображеніе придаетъ вещамъ прелестный, но обманчивый блескъ; простирая на всё неизъяснимое очарованіе, оно превращаетъ безобразіе въ красоту, гниль въ серебро и пыль въ золото. Ахъ! эта злашоперая птичка давно чудеситъ и творитъ бѣды подъ солнцемъ; сколько нещастливцевъ покидаютъ мирные кровы ро-

дины и бѣгутъ безъ цѣли изъ одной страны въ другую, ища обѣщаннаго воображенiемъ! Многiе тонутъ въ моряхъ, или гибнутъ на войнѣ прежде, нежели найдутъ обѣщанное; другiе — находятъ и скучаютъ; ибо находятъ свой предметъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ представляло его издалека воображенiе. Злоперая, какъ самъ теперь знаешь, показываетъ все въ превратномъ видѣ; всему придаетъ ложную цѣну; всё окрашиваетъ цвѣтами обманчивой радуги и осыпаетъ блёстками поддѣльнаго золота. — Но я сдѣлаю тебѣ дорогой подарокъ (и съ симъ словомъ вручаетъ ему оправленное въ золотѣ стекло.) Оно имѣетъ даръ разрушать всякiя чары воображенiя; держи всегда при себѣ талисманъ сей и помни, что истинную цѣну вещей не иначе можно познать, — какъ смотря на нихъ сквозь стекло *здраваго разсудка*.

IX.

ПРОХОЖІЙ.

Отецъ престарѣлый завелъ, мимоходомъ, сына юношу, на большой дорогѣ, въ гостинницу. — „Потерпи здѣсь, сказалъ онъ сыну, веди себя порядочно, а я, погодя, зайду за тобою. Если ты не сдѣлаешь худова, мы придемъ въ хорошее мѣсто.“

При томъ отецъ ввѣрилъ сыну крошкую горлицу и бѣлаго воска свѣчу съ фонаремъ надежнымъ. И былъ такой завѣтъ отъ отца: „Береги, дитя, эту горлицу, какъ зѣницу своего ока, и не давай никому гасить свѣчи отъ меня зажженной. . . .“

Ушелъ отецъ, остался сынъ. И стали находить люди, все незнакомые. Столпилось много народу и много страстей и пороковъ. . . . и видитъ юноша великую неправду и презорство и мстительность, и видитъ зависть и злость и гнусную ябеду съ клеветой и

коварствами. . . . . Видитъ, но въ утѣшеніе себѣ говоритъ: „что мнѣ до нихъ? я вѣдь прохожій! здѣсь худо, но придетъ отецъ, и проводитъ меня туда, гдѣ хорошо! Онъ сказалъ — я вѣрю! . . .“ И вотъ онъ ждетъ, и кому можетъ помочь — помогаетъ, и кого можетъ спасти, онъ спасаетъ, а не можетъ спасти — сожалѣетъ! . . . Вотъ люди пьютъ и ѣдятъ, и другъ друга обдариваютъ, а прохожаго все мимо, и другихъ, кого могутъ, обносятъ. . . . И у тѣхъ другихъ, кого миновали, кипитъ въ душѣ черная досада, и сохнутъ, желтѣютъ они . . . . а прохожій спокоенъ!

„Что мнѣ въ ихъ дарахъ и наградахъ? говоритъ онъ: они такъ нечисты, такъ грубы! . . . Отецъ, конечно, дастъ мнѣ лучшее!“ Но люди, завиствуя, не оставили въ покоѣ прохожаго. Обуявъ отъ пьянства, они напускали ястребовъ и коршуновъ, чтобъ сгубить его невинную горлицу, и съ громкимъ хохотомъ махали нечистыми одеждами, чтобъ загасить его завѣтную свѣчу. Бѣдный едва могъ уберечь свое сокровище! Но сонъ одолѣлъ упоенныхъ, а между тѣмъ подошло къ окнамъ прекрасное свѣжее утро, и вмѣстѣ

съ солнцемъ, явился Отецъ! — Онъ вѣренъ въ словѣ своемъ, и похвалилъ онъ терпѣніе сына, и повелъ его въ лучшее мѣсто. „Отецъ! говорилъ дорогою сынъ, ты долго оставлялъ меня съ худыми; охъ! грустно и скучно мнѣ было: *тамъ* пахнетъ порокомъ и смертію!“ — „За то, когда умѣлъ быть хорошимъ съ худыми, теперь будешь ты между лучшими лучшій!“ Такъ отвѣчалъ, съ улыбкою, отецъ — и они пришли въ веселое мѣсто.

Послѣ старцы, передавая внукамъ сіе преданіе, толковали такъ: что невинная горлица — есть наша чистая совѣсть, а свѣча въ фонарѣ — нашъ здравый разсудокъ.

X.

ДОБРОДѢТЕЛЬ и ПОРОКЪ.

(Подражаніе Восточнымъ апологамъ.)

Великолѣпное златое солнце, въ день своего созданія, какъ легкій шаръ покатилось изъ Творческой руки Предвѣчнаго въ голубыя поля свѣтлѣющей тверди. Радостно восплескали ему духи небесные, и все твореніе раздѣляло радость первосозданныхъ: ибо неописанна была красота юнаго солнца! Весело блистало оно до полудня, не ощущая таинственнаго влеченія къ Западу, и не предчувствуя своего вечера. И самые Серафимы и Ангелы мнили, что новосозданному свѣтилу предопредѣлено быть незаходимымъ. Одинъ Всевышній, предъ очами Коего лѣта и столѣтія мелькаютъ, какъ мгновенія; одинъ Всевидящій, отъ взоровъ Коего глубочайшая темная бездна не смѣетъ сокрыть малѣйшей чорной песчинки; Онъ единый вѣдалъ, каковъ будетъ тотъ, для коего возникла, изъ бурнаго смѣшенія стихій,

веселая земля; для кого зажглось въ необъятныхъ пустыняхъ Эѳира великолѣпное солнце. Онъ вѣдалъ, что человѣкъ, будущій житель *подсолнечной*, сіе величественное и вмѣстѣ слабое твореніе, однимъ только способомъ будетъ постигать цѣну вещей: чрезъ сравненіе и утрату оныхъ, скучая всѣмъ, что постоянно и знакомо, и любя все, что перемѣнно и ново: Всевышній вѣдалъ сію тайну сердца человѣческаго, и указалъ солнцу Западъ, и повелѣлъ быть ночи. — И съ того часа послѣдніе лучи дня всегда соприкосновенны первымъ тѣнямъ вечера. . . . И тоже самое, что послѣдовало съ солнцемъ въ мірѣ естественномъ, случилось съ добродѣтелію, свѣтиломъ міра нравственнаго. Для оттѣнки и возвышенія свѣтлой добродѣтели произошелъ мрачный порокъ!

Окрыленный дерзостію, сей неистовый сынъ тьмы, тотъ-часъ помчался по свѣту и породилъ, себя достойное и во всемъ себѣ подобное изчадіе — преступленіе. — Оно ворвалось въ общества людей какъ голодной тигръ, и засвирѣпствовало какъ страшная зараза. Тогда добродѣтель, подвигнутая къ состраданію стонами человѣчества, произвела

на свѣтъ наказаніе. Сіе, по виду слабое, дряхлое отъ самаго рожденія, и едва двигавшее по землѣ хилыя ноги свои существо, казалось въ началѣ неопаснымъ надменному успѣхами преступленію. „Гдѣ ему достигнуть меня!“ думало гордое, носясь вихремъ по подсолнечной. Такъ думали и человѣки, и духи небесные, соболѣзновавшіе о человѣчествѣ. — Но опытъ показалъ противное. Крылатое часто обольщалось ароматомъ цвѣтовъ роскоши, и засыпало на ложѣ безпечности. Оно засыпало какъ лютый волкъ, опьянѣвшій отъ крови своей добычи; а наказаніе, невѣдающее ни сна, ни отдыха, все впередъ да впередъ на костыляхъ своихъ; — и часто хромое застигало въ расплохъ быстрокрылое и било его безъ пощады желѣзною клюкой. — Такъ ходило и ходитъ еще по свѣту наказаніе: и вы прилѣжные наблюдатели всего, что творится подъ солнцемъ, никогда не сомнѣвайтесь при видѣ преступленія, чтобъ рано или поздно не постигло его наказаніе. — Примѣчайте только, и увидите, что блистательнѣйшая минута торжествующаго проступка есть уже начальною минутою его гибели. — Этому были очевидные свидѣтели дѣды наши, и то

же, вѣроятно, увидятъ и внуки; — ибо порядокъ міра всегда одинаковъ, всегда идетъ своею чередою, не заботясь о томъ, что люди на землѣ, какъ листья на деревѣ, то вянутъ и падаютъ, то зараждаются вновь. Вѣчные законы установлены не для человѣка, но для человѣчества, которое и по нашему счисленію имѣетъ уже отъ роду 7000 лѣтъ, а по Китайскимъ и другимъ преданіямъ болѣе. Люди умираютъ, но человѣчество не вѣдаетъ смерти. . . . Я отступилъ немного отъ расказа, и спѣшу продолжать. Между тѣмъ, какъ наказаніе укрощало дерзость преступленія, добродѣтель никогда не упускала изъ виду могущаго соперника своего, порока, который отъ того болѣе встрѣчалъ терпимости въ обществахъ людей, что, подобно гнилой колодѣ, издавалъ отъ себя серебряный блескъ во тьмѣ предразсудковъ и заблужденія.

Порокъ (сынъ ночи) какъ прежде, такъ и нынѣ былъ всегда врагомъ свѣта. Но къ счастію человѣчества, онъ не рѣдко, какъ мы уже сказали, засыпалъ на ложѣ сладострастія въ объятіяхъ утѣхъ, подъ завѣсою мрака. — Въ семъ-то положеніи, подкравшись однажды съ свѣтильникомъ истины, застала его добро-

дѣтель. Тутъ она такъ близко поднесла свѣтильникъ свой къ ложу, что въ полной наготѣ открыла все безобразіе порока; и въ сію *минуту обличенія* люди содрогнулись, а духи небесные отвратили свѣтлыя лица свои отъ безобразнаго. — Въ то же время успѣла добродѣтель заронить искру изъ своего пламенника въ самое сердце порока. Встревоженный вспрянулъ и полетѣлъ, но — искры изъ сердца не вынешь! Онъ погружается въ глубокія моря, взлетаетъ до высокихъ небесъ, а искра все тлѣетъ, а сердце все болитъ! . . . Наконецъ искра превратилась въ пламя; несносныя муки овладѣли породившимъ преступленіе, и съ той поры всѣ видѣли, да и теперь еще, кто примѣчаетъ, видитъ внутреннія мученія порока. — Мы знаемъ также и лютыя сердечныя муки порочныхъ. Въ сердцѣ человѣческомъ натянута струна, издающая унылый, печальный звукъ, который всю глубину сердца наполняетъ нестерпимою тоскою, когда прикасается къ ней нечистый перстъ порока. — Эта струна въ нарѣчіяхъ народовъ называется Раскаяніемъ. — Замѣтили, однакожъ, что въ одномъ ладу съ нею находится другая издающая звукъ, неизъяснимо пріятный, по своей

усладительной томности. Она звѣнитъ всегда послѣ струны Раскаянія. Эту послѣднюю называютъ струною умиленія. — Есть еще въ сердцѣ человѣковъ издавна поставленный добродѣтелію вѣрный стражъ, который, всегда неусыпно бодрствуя, тотъ-часъ наполняетъ всю грудь нашу воплями и тревогою, когда только завидитъ, хотя издали, приближеніе порока. — Сего вѣрнаго стража, родоначальники поколѣній человѣческихъ назвали Совѣстію, и увѣряли при томъ, что всѣ покушенія порока ничтожны, доколь хитрыя страсти не успѣютъ ослѣпить сего зоркаго стража нашего счастія, или доколѣ не потопитъ его бурный разливъ разврата, столь часто наводняющій сердца и общества человѣковъ.

Но обратимся опять къ пороку: мучимый сердечными судорогами, которыя называютъ у насъ терзаніями (всегда свойственными изобличенному пороку), отчаянный ударился однажды о камень, которымъ самъ нѣкогда загородилъ путь, общій всему человѣчеству,— путь отъ колыбели до могилы. Люди назвали камень сей камнемъ преткновенія. Объ него-то ударясь порокъ, разшибся на мѣлкія части. Но подобно частямъ раздробленной змѣи, всѣ

онѣ сохраняли жизнь и движеніе. Неисповѣдимому угодно было одарить каждую изъ сихъ частей самобытностію. — И вотъ какимъ образомъ Порокъ изъ единственнаго превратился во множественное число; и съ той поры стали извѣстны въ обществахъ человѣковъ *пороки!* Съ быстротою многихъ стрѣлъ, пущенныхъ вдругъ однимъ лукомъ, разлетѣлись они по всѣмъ краямъ подсолнечной. Тогда и Добродѣтель, видя сіе новое и столь вредное превращеніе врага своего, принуждена была раздробиться сама на части, которыя у насъ извѣстны нынѣ подъ именами добродѣтелей. Съ тѣхъ-то поръ общества людей сдѣлались полями битвъ, на которыхъ пороки ведутъ безпрерывныя брани съ добродѣтелями. Ни одна еще сторона не одержала рѣшительной побѣды, и счастіе никогда не было такъ перемѣнчиво, какъ въ чудесной судьбѣ сихъ боевъ. Однажды, — преданіе не говоритъ когда, — пороки собрались вмѣстѣ и говорили: „Улучимъ удобное время, теперь нашъ часъ! „Добродѣтели, сіи слабыя, застѣнчивыя твари, разсѣяны по необъятному пространству „свѣта. О мудрости едва-едва гдѣ слышно: „уже давно не присутствуетъ она въ совѣ-

,, тахъ сильныхъ земли, и убѣгаетъ, какъ ,, робкая лань, блеска чертоговъ и горо- ,, довъ, гдѣ владычествовать намъ всего ,, пріятнѣе! Намъ не опасна эта вѣчно ,, задумчивая подруга тишины и уедине- ,, нія. И гдѣ ей повстрѣчаться съ нами? ,, Мы такъ ручны, такъ обходительны съ ,, людьми; а эта суровая всегда удаляется ,, отъ нихъ, и всегда хочетъ, чтобъ за нею ,, гонялись. Мудрено изъяснить странность ,, поступковъ ея! То, смотришь, скрываясь ,, отъ поисковъ Аѳинъ, запрется въ бочку къ ,, Діогену; то проводитъ ночи надъ блѣдной ,, лампадой, съ какимъ - нибудь охромѣвшимъ ,, Эпиктетомъ; то сама напрашивается въ ,, темницу къ обвиненному Сократу. . . Вто- ,, рая добродѣтель: *сила* (сила духа), разтлѣ- ,, на вездѣ сладострастіемъ, или стонетъ ,, подъ желѣзнымъ скипетромъ страстей. Кра- ,, сота (красота изящная, Эстетическая) ,, тоже, что радуга: сама на небѣ, а только ,, оттѣнками обольщаетъ человѣчество. На ,, землѣ ищутъ и уважаютъ ее въ однѣхъ ,, наружныхъ формахъ. О Вѣрѣ и говорить ,, нечего: ея владычество давно уже на ,, языкѣ, а не въ сердцѣ! О Любви много,

„правда, гдѣ слышно; однако нигдѣ ее не „видятъ: это ароматный елей, который „давно уже изпарился изъ открытаго фіяла, „но оставилъ по себѣ какой-то пріятный „запахъ, по которому и думаютъ, что онъ „все еще тамъ же, гдѣ и нѣкогда былъ. — „О надеждѣ стоитъ ли думать? Это моне-„та, имѣющая много блеску и никакой „цѣны! Итакъ добродѣтели или исчезли, „или разсѣяны: слѣдовательно слабы; а мы, „о, пороки! о, бодрые, неутомимые друзья! „Мы будемъ отнынѣ повсюду вмѣстѣ и „всегда за одно! Вмѣстѣ намъ, други, по-„гибнуть, или вмѣстѣ восторжествовать на „развалинахъ порядка! Бодрствуйте; пріи-„детъ время, когда мы восплашемъ на мо-„гилахъ добродѣтелей, при горькихъ стонахъ „ненавистнаго намъ человѣчества!" Такъ усо-вѣтовались между собою чудовищные пороки на пагубу людей. И съ тѣхъ поръ они всегда вмѣстѣ и вездѣ за одно! Появится ль гдѣ-нибудь одинъ, вѣрно и всѣ тамъ же будутъ: не такъ дружно ходятъ волки по сѣвернымъ лѣсамъ, и не съ бо́льшимъ согласіемъ соединено стадо пернатыхъ, улетающихъ за море отъ зимнихъ бурь. Много потерпѣлъ свѣтъ

отъ неразрывнаго союза сего, и отъ низкаго желанія людей быть потворщиками и пристане-держателями пороковъ. Наконецъ и добродѣтели соединились между собою узами братства: Мудрость, Сила, Красота, Вѣра, Надежда и Любовь, взялись за руки и пошли учить, подкрѣплять, украшать, возносить къ небу и утѣшать всегда и повсюду человѣка, сироту и странника въ семъ мірѣ! Но я все уклоняюсь, а разсказъ мой ждетъ и какъ будто кличетъ меня: обращаюсь къ нему.

Однажды Мудрость, принявъ образъ и глаголъ человѣка, говорила окружавшимъ ее: „Для чего созданы люди?" Для счастья! Для счастья! былъ отвѣтъ, вылетѣвшій вдругъ изъ тысячи устъ. — „Но гдѣ и въ чемъ счастье?" И ни одни уста не разкрылись для отвѣта. — Не рѣшилась дать онаго и сама мудрость, всегда въ отвѣтахъ осторожная. Однако жъ она говорила: „Спросите у любимой дочери моей Исторіи, и у старшаго сына моего Опыта: гдѣ счастіе? Уже ли нѣтъ его въ чертогахъ могущихъ Царей и въ палатахъ вельможъ и наперсниковъ ихъ?" Нѣтъ! Говоритъ Исторія: я открою вамъ

всѣ дворцы восточныхъ и западныхъ владыкъ; введу въ потаеннѣйшія храмины обладателей народовъ; заставлю говорить стѣны. . . И вы узнаете, что часто и на золотыхъ ложахъ видятъ желѣзные сны!“ Но счастіе можетъ быть въ палатахъ у вельможъ: они менѣе подвержены тягостной отвѣтственности предъ Богомъ и потомствомъ, а не менѣе богаты способами наслаждаться, какъ и самые Цари? „Нѣтъ! нѣтъ! восклицаетъ Опытъ: уже болѣе 7000 лѣтъ скитаясь по свѣту, смотрю я на сыновъ роскоши и нѣги, и ни одного не видалъ еще счастливымъ! Они, правда, все имѣютъ; и отъ того самаго, что всѣмъ наслаждаются, ни въ чемъ не находятъ сладости! Скучая за лакомымъ столомъ, пресыщенный сынъ нѣги съ завистію смотритъ на послѣдняго нищаго, который, подъ окномъ палатъ его, жадно грызетъ корку чорстваго хлѣба, и доволенъ — насытясь ею! Поговорите съ великолѣпными изголовьями царедворцевъ и вельможъ: онѣ разскажутъ вамъ такія вещи, послѣ которыхъ вы охотнѣе согласитесь спать на жесткомъ гранитѣ въ хижинахъ, чѣмъ на золотой парчѣ въ дворцахъ и палатахъ!“ Такъ говорилъ Опытъ,

великій знатокъ сердца человѣческаго, долго жившій и многое на свѣтѣ видѣвшій! „Такъ гдѣ же счастіе?“ уныло потворили множество голосовъ. „Счастіе — нигдѣ и повсюду!“ Отвѣчали въ одинъ голосъ Исторія и Опытъ. — Тоже самое повторила и Мудрость, присовокупя нѣкоторое объясненіе къ сказанному. „Счастіе, говорила она, точно нигдѣ, когда его нѣтъ въ нашемъ сердцѣ, и повсюду съ нами, когда оно тамъ. Но счастіе есть нѣжнѣйшій цвѣтъ, прозябающій только на землѣ, утоптанной и согрѣтой добродѣтелью. Заключу двумя словами: будьте добродѣтельны, — и будете счастливы!“ Такъ вѣщала нѣкогда мудрость и спѣшила въ ряды добродѣтелей, подвизавшихся на полѣ кровавой брани съ пороками.

Къ вамъ взываю теперь, друзья добродѣтели! Брань сія съ пороками, брань, въ которой все человѣчество должно принимать живѣйшее участіе, еще продолжается; еще ратуютъ великіе соперники. Поспѣшимъ же и мы стать подъ святыя знамена добродѣтели и разить обличенный порокъ! Исторія и опытъ доказываютъ намъ, что человѣкъ тогда только истинно несчастливъ, когда не

можетъ стремиться къ благороднѣйшей цѣли бытія своего: къ цѣли раскрытія всѣхъ нравственныхъ способностей, на свободномъ полѣ дѣйствія, для пользы ближнихъ, для общаго добра! Повѣримъ симъ вѣковымъ истинамъ, и доказавъ свѣту дѣлами, узнаемъ и сами на дѣлѣ, что тотъ только можетъ быть счастливъ, кто, покаряясь во всемъ безмолвно волѣ Высшаго Промысла, возжелаетъ возненавидѣть отъ всей души порокъ и страстно полюбитъ добродѣтель!

XI.

НЕВѢДОМАЯ.

„. . . . Вы хотите, чтобы я забылъ сего Ангела-хранителя моихъ дней: ее, которая отвлекала меня отъ праха земнаго, которая всегда поощряла духъ мой парить къ тѣмъ странамъ, куда не досязаетъ умъ обыкновенныхъ смертныхъ.“

Петраркъ.

Весна еще не утвердила своего владычества. Влажный вѣтеръ колыхалъ черныя острогла-вые сосны. Тусклая луна, какъ ладья на морѣ, то возносилась, то утопала въ дыму серебряныхъ облаковъ. Эту картину природы видѣлъ я въ ранней молодости, на чужой сторонѣ. Со мною было тогда, что бываетъ съ человѣкомъ, который въ первый разъ готовится отплыть за моря далекія. Еще несвязанный отношеніями земными, я, по какому-то невольному побужденію, смотрѣлъ на небо съ глубокимъ, невыразимымъ чувствомъ наслажденія. Состояніе души моей было среднее

между сномъ и бдѣніемъ. — Вдругъ посѣтила меня *невѣдомая*.... Мнѣ еще памятны и часъ посѣщенія и видъ таинственной посѣтительницы: молодая и прекрасная, *она* была въ бѣломъ платьѣ, которое съ какою-то ласкою обвилось вкругъ прелестнаго стройнаго стана, и, какъ будто съ чувствомъ, прильнуло къ живой груди, окружа ея высокую шею. Подъ длинными рѣсницами, въ прекрасныхъ глазахъ ея свѣтилось что-то неизъяснимо-прелестное. По ея понятному знаку пошли мы искать уединенія глубокаго. Развалины стараго за́мка, отѣненныя молодою зеленью, стали пріютомъ нашимъ.

На мшистомъ камнѣ *невѣдомая* поставила арфу свою, и вѣтеръ извлекалъ изъ нее звуки, которые проникали сердце до самой тайной глубины его: они мучили и услаждали душу.... Иногда *она* сама касалась арфы, и тогда чувство, огонь и свѣтъ, съ силою, вылетали изъ подъ гибкихъ перстовъ *красавицы*. Между тѣмъ, молча, указывала *она* на тихія развалины, на городъ, сквозь сонъ шумѣвшій, и съ любовію смотрѣла на небо, съ котораго, казалось, и на нее смотрѣли.... Не знаю, по чему *ея* присутствіе

было такъ обворожительно. *Она* такъ усладила мою уединенную печаль, что я не промѣнялъ бы ее ни на какую свѣтскую радость. Моя душа понимала языкъ *невѣдомой*. Сладкія рѣчи ея были изъ тѣхъ, которыя произносятся не устами. Какъ тонкое вѣяніе, какъ мысль, едва одѣянная видимымъ знакомъ, сообщались онѣ прямо душѣ и чувству сердечному. Такъ, иногда во время сна слышимъ мы отрадные разговоры и, пробудясь, не осязаемъ говорящаго! Я весь былъ умиленіе, слушая высокія пѣсни *ея*, и часы казались минутами. Весенняя буря затихла; звѣзды смѣнили луну; заря потопила ихъ въ румяномъ разливѣ своемъ. Но я, прикованный къ землѣ, не замѣчалъ перемѣнъ неба. Только громкій говоръ утра вызвалъ меня изъ забвенія. Природа, какъ невѣста, наряжалась въ свое цвѣтное одѣяніе. Воздухъ былъароматъ! Теплые вѣтерки, какъ друзья возвращенные изъ дальней стороны, привѣтливо ласкались къ пробужденному творенію. Все стало движеніе, жизнь и радость. — Но душа моя полна была мечтаній и сладостной грусти, которая порождала въ ней чувствованія высокія. Скоро, послѣ того, я сплавилъ свой

легкій челнокъ на быстрый потокъ жизни. Страсти и забавы приняли юношу. Сладкіе обѣты кипѣли въ устахъ милыхъ предательницъ. И чѣмъ далѣе заходилъ я въ область жизни, тѣмъ болѣе запутывался въ волшебныхъ сѣтяхъ отношеній общественныхъ.

Наконецъ Опытъ, за дорогую цѣну, открылъ мнѣ всѣ тайны земнаго бытія. Печальныя тайны! Я узналъ людей, и холодная, медленная тоска тупымъ ножемъ своимъ прорѣзала стонающее сердце! Съ тѣхъ поръ я уже вѣдалъ, что значатъ предательные зазывы честолюбія и кимвальный звукъ славы. Я зналъ очаровательную прелесть любви, любви, которая такъ свѣтлитъ, такъ уясняетъ душу, что небо, со всѣми своими радостями, изображается въ ней, какъ въ чистомъ зеркалѣ спокойнаго потока. Но я вѣдалъ, и неутѣшное горе любви, когда душа рыдаетъ надъ погибшими надеждами своими, какъ юный пловецъ надъ разбитымъ челномъ, на дикомъ брегѣ безлюдномъ. . . . Счастіе, сказалъ я наконецъ, есть драгоцѣнный ароматъ: добрый Ангелъ, пролетая въ другой, лучшій міръ, пронесъ его когда-то мимо людей и скрыл-

ся. Толпы суетливыхъ искателей слышатъ очаровательный запахъ, обѣгаютъ землю, но нигдѣ не находятъ драгоцѣнности: небесный унесъ ее съ собою, какъ принадлежность неба. Живя и тоскуя, утѣшался я одною мыслію о *невѣдомой*. *Она* являлась мнѣ и послѣ съ тѣмъ же очарованіемъ, съ тою же цѣлебною силою для страждущей души. *Она* явилась мнѣ на берегахъ Дуная. На канунѣ кончилось жестокое сраженіе; еще не отстонало поле и не застыла кровь; но мятежъ земный не возмутилъ неба: полная луна сіяла; тихія волны яснѣли. Въ дали, въ старинномъ городѣ, брянцало оружіе побѣдителей, и при свѣтѣ удвоенныхъ огней, шумѣли жизнь и веселіе ратное. Но не было жизни на затихшемъ полѣ: смерть подернула его чернымъ крепомъ своимъ. И жадный воронъ уже готовился спорить съ могилою о тлѣнныхъ остаткахъ сыновъ человѣческихъ! Тысячи лежали въ прахѣ.... Напрасно Слава, по именамъ, выкликала храбрыхъ; напрасно товарищи звали ихъ на шумный праздникъ побѣды.... Опрокинутые трупы, съ незатворенными тусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо.... Но они не видали уже ни

неба, ни земли! Они валялись, разбросанные, какъ сосуды драгоцѣннаго напитка раздробленные насильственною рукою.... Луна, сіяя въ тишинѣ великолѣпнаго своего уединенія, наводила какую-то общую, синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины человѣчества, въ которыхъ, за день предъ тѣмъ, шумѣли страсти, играли надежды и свѣжія желанія кипѣли какъ лѣта пылкой юности. Тутъ явилась мнѣ *прекрасная*, когда я сидѣлъ на высокой скалѣ, нависшей надъ древнимъ Дунаемъ. Унылосладостные звуки арфы ея слилися съ тихимъ стономъ послѣднихъ умирающихъ, между тысячами умершихъ. Я встрѣчалъ *ее* потомъ и на пустынныхъ берегахъ Буга, подъ тѣмъ небомъ, которое внимало нѣкогда піитическимъ сѣтованіямъ изгнаннаго Овидія. Въ сумрачныя лѣтнія ночи Южныхъ странъ, когда воздухъ сгаралъ отъ пылкихъ молній, и гроза безъ грома сіяла въ серебряной полосѣ рѣки и надъ сухимъ моремъ пространныхъ степей, я принималъ, съ чувствомъ, руку *невѣдомой*, и мы гуляли, бесѣдуя, по безмолвнымъ пустынямъ до утренняго жаворонка, до пробужденія людей. *Ея* бесѣда, быстрая какъ время, не имѣла предѣловъ,

какъ пространство воздушное. Народы и вѣки, поколѣнія и Державы проходили въ воображеніи, какъ легкія тѣни, рядами, и шумъ ихъ величія и отзывы славы, смѣняясь, затихали, какъ чувства засыпающаго путника.

Такъ! *она, прелестная*, провела меня, какъ Ангелъ-хранитель, по скользкой стезѣ молодости. *Она* дарила мнѣ новую и лучшую жизнь. Ея вѣщанія возвышали, облагороживали душу мою. Когда свѣтская жизнь изсушала, обкрадывала сердце, или страсти палили его болѣзненнымъ зноемъ, я кидался въ объятія *невѣдомой* и дышалъ свѣжимъ и новымъ бытіемъ. Къ *ней* уходилъ я отъ жизни, отъ ея горестей, ея обольстительныхъ обѣтовъ; при *ней* находилъ забвеніе, которое слаще всякаго чувства бытія! Развалины старинныхъ городовъ и берега морей шумящихъ, были свидѣтелями уединенныхъ свиданій нашихъ. Возвращаясь отъ *нее*, всякій разъ, я ходилъ между людьми съ полнотою сердечною, какъ человѣкъ, который носитъ въ рукахъ своихъ полную чашу ароматнаго питія и боится пролить ее.... Какъ дитя покорное предавался я *невѣдомой:* я считалъ *ее* Ангеломъ

небеснымъ. . . . Не знаю, отъ чего люди, конечно завистливые, говорили про меня: ,,онъ слишкомъ предается — *меланхоліи.*"

XII.

НИЩЕТА и РОСКОШЬ.

(Двѣ картины.)

Въ сыромъ погребѣ великолѣпнаго дома лежитъ забытый человѣкъ. На изтлѣвающей соломѣ медленно изтлѣваетъ страдалецъ. Болѣзнь и старость обезобразили обветшалое тѣло: едва можно узнать въ немъ образъ человѣка. Блѣдный лучь луны, скользящій сквозь разбитое окошко, и догорающая свѣчка предъ старинною, безокладною иконою: вотъ единственный свѣтъ слабо, какъ неясная надежда, освѣщающій темный пріютъ нищеты! — Вѣтеръ, уныло воющій въ трубѣ нетопленной печи: вотъ единственный плачъ надъ дряхлымъ сиротою! — Тощій песъ, товарищъ умирающаго, соглашаетъ съ вѣтромъ и свое вѣщее завываніе. — Уже связи жизни, какъ древній изтлѣвшій узелъ, сами собою разрушаются; и смерть, жадная какъ вранъ голодный, хватаетъ страдальца, выжимая хладный

потъ на челѣ его. Синія, багровыя черты остаются на изможденномъ тѣлѣ слѣдами незримыхъ перстовъ ея! Безъ памяти, но еще не безъ чувствъ, томно тянетъ несчастный слабыя руки, какъ будто желая удержать еще вожделѣнное благо — отлетающую жизнь.... Такъ молодая супруга, нѣжная мать, иногда мгновенно простираетъ сквозь сонъ объятія свои и хватаетъ воздухъ и мракъ, мечтая, что рука убійцы похищаетъ младенца, опочившаго на груди ея.

Мало по малу все становится тишиною и смертію въ темномъ, какъ могила, погребѣ. Но все жизнь и движеніе, въ томъ же самомъ домѣ, въ верху, въ чертогѣ Роскошнаго. . . . Гляжу туда и сравниваю.

Тутъ господствуетъ скорбь и смерть; тамъ пируетъ радость и буйствуетъ жизнь! Тутъ выступаетъ холодный потъ, тамъ брызжутъ кипящія вина; тутъ смерть осыпаетъ мразомъ леденѣющія уста страдальца, тамъ роскошный богачь опламеняетъ уста и ланиты молодой красавицы дерзкими поцѣлуями.

Но не сѣтуй, страдалецъ сирый! Когда настанетъ оный страшный день, къ который

не будетъ уже болѣе вечера, когда взойдетъ роковая, невиданная буря, которая выплеснетъ всѣ моря изъ береговъ и сорветъ всѣ звѣзды съ неба; когда подломятся вѣчныя оси міровъ и рука обличителя сорветъ золотую пелену съ притворнаго человѣчества: тогда нищій, благородный духомъ, ты будешь завистію и богатства и роскоши. . . . Туда, въ область святой истины, въ свѣтлыя обители тишины и радости, не ворвется сіе буйное человѣчество, у котораго въ устахъ, осла-щенныхъ лукавствомъ, кипитъ желчь — и за рукавомъ руки обнимающей — таится кинжалъ! И теперь. . . . И здѣсь, ты конечно видишь сіи дружелюбныя привѣтствія кроткихъ, ласковыхъ обитателей дивнаго, неизвѣстнаго міра. . . . Они роятся надъ бѣднымъ одромъ покинутаго человѣка, какъ легкія пчелы надъ первымъ весеннимъ растѣніемъ. Какіе свѣжіе, живые цвѣты нездѣшнихъ, неземныхъ долинъ, сыплютъ они на умирающихъ! Золотой, голубой, алый, беззнойный пламень играетъ въ воздухѣ, сливаясь въ тысячи разновидныхъ картинъ, и душа невинная, не страдая, любуется послѣднимъ часомъ, своимъ прекраснымъ преображеніемъ. — Звукъ

извлеченный мимолетнымъ вѣтромъ изъ арфы уснувшаго пѣвца, не изчезаетъ въ пустынѣ, но протекая пространство, ищетъ соединенія съ общею гармоніей. Такъ и душа, освободясь, ищетъ новаго бытія въ общей жизни вселенной, въ общей гармоніи міра.... Вѣра указуетъ путь ослѣпленной незнакомымъ сіяніемъ; надежда подвязываетъ ей легкія крылья, а любовь принимаетъ въ сладкія объятія свои бѣдную, робѣющую сироту и странницу.

XIII.

КАРТИНЫ ЗАЛИВА.

Изъ окна моей комнаты люблю я смотрѣть чрезъ кущи зеленыхъ деревъ, чрезъ луга и равнину на тихій заливъ перломутоваго цвѣта — таковымъ онъ кажется въ нѣкоторые часы дня — когда розовый край неба отливается въ немъ такъ ясно, какъ высокія истины вѣры и благодати въ чистой, безмолвной душѣ человѣка, который не умствуетъ, а вѣритъ. . . . Гряда отдаленныхъ лѣсовъ, синею дугою окружаетъ заливы. Воображеніе скользитъ мимо шумнаго города, который видится вдали, какъ великолѣпное сновидѣніе, и охотно любитъ останавливаться на бѣлыхъ парусахъ величаво идущихъ кораблей и смиренно причалившихъ лодокъ. Я всегда думаю: тамъ, на сихъ корабляхъ, на сихъ челнахъ есть люди, у каждаго свои мечты, свои надежды, свои желанія. . . . Подъ разными поло-

сами неба качались ихъ колыбели, и гдѣ застигнутъ ихъ могилы? — Въ вечернихъ туманахъ нашего Сѣвера, одни мечтаютъ о сладкомъ воздухѣ Италіи, гдѣ прекрасные виды веселятъ душу, какъ роскошная музыка — ибо все въ природѣ есть гармонія въ звукахъ, цвѣтахъ и въ стройномъ разнообразіи видовъ; гдѣ моря, какъ свѣтло-зеленый бархатъ, сіяютъ отливомъ щедраго, великолѣпнаго солнца, гдѣ вечеръ сходитъ, какъ миръ, упокоивая природу и чувства человѣка. Другіе воображаютъ берега полуденной Франціи, такъ прекрасно изображенные Вернетомъ на картинахъ его, въ которыхъ природа-красавица дозволила живописцу снять съ себя столь вѣрный портретъ! Тѣ воспоминаютъ края, гдѣ вершины горъ земныхъ стоятъ выше громовъ небесныхъ и красуются, какъ великаны, въ ледяныхъ вѣнцахъ своихъ: онѣ блистательны и хладны, какъ люди, окруженные сіяніемъ величія но лишенные теплоты милосердія! — Воспоминаютъ иные о долинахъ, гдѣ сладкій пурпуръ и янтарь въ роскошной нѣгѣ, какъ идеи человѣка надежно огражденнаго законами, безпечно зрѣютъ въ виноградникахъ для того, чтобъ сокъ извлеченный изъ кистей, свободно со-

зрѣвшихъ, перешелъ, какъ сокровище, въ потомство позднѣйшее. . . . Инымъ представляются оливковыя рощи и, кажется, слышится еще благовонный запахъ цвѣтущихъ померанцовъ, далеко ліющійся по щастливымъ долинамъ, лежащимъ у подножія холмовъ, увѣнчанныхъ развалинами древнихъ, красивыхъ замковъ, гдѣ еще видимы сады и фонтаны и мозаическія картины на разрушенныхъ стѣнахъ, гдѣ въ давнія времена побѣдоносные Мавры изобразили золотомъ и яркими красками сладкозвучные стихи Корана и тайны мудрости Восточной въ символическихъ знакахъ, кои привыкли щитать теперь за простые узоры. . . . Тамъ нѣкогда, подъ живымъ навѣсомъ пальмъ и ясминовъ, плавая въ ароматахъ розъ, среди жемчугу, фарфора, хрусталей и зеркалъ, подъ пѣснію соловья и горлицы, и при звукахъ цитры воинственнаго Мавра и вдохновеннаго Трубадура, въ прохладѣ біющихъ фонтановъ и въ сильно ударяющемъ на чувства благоуханіи *мускуса*, почивала роскошная красавица, воздыхая о щастіи земномъ; и смиренно сидѣлъ изнуренный голодомъ *Дервишъ*, искавшій пути къ небу, котораго тайны еще не открыты были Пророкомъ его.

Но не всегда представляется мнѣ заливъ спокойнымъ зеркаломъ. Онъ померкаетъ вмѣстѣ съ небомъ. — Возстаетъ вѣтръ и влажная долина холмится.... Иногда бѣлыя волны подымаются, ходятъ и пасутся какъ стада на своихъ пажитяхъ.... Иногда вдругъ налетѣвшій порывъ вихря колышетъ лѣсъ, крушитъ пыль на большой дорогѣ, свиваетъ облака въ небѣ и буравитъ до дна воды залива.... Это явленіе невольно напоминаетъ о тѣхъ случаяхъ жизни, когда одно налетное чувство приводитъ въ движеніе всю природу человѣка.

XIV.

ВНУТРЕННЕЕ НАСЛАЖДЕНІЕ и СВѢТСКАЯ СУЕТА.

(Двѣ картины, занятыя изъ сокровищницы души человѣческія.)

Провидѣніе, милостивое къ человѣку и въ земномъ его заточеніи, подарило его прекрасною способностію уединяться въ самого себя, жить съ собою и наслаждаться у себя и своимъ. Изъ тѣснаго уголка, изъ бѣдной хижины, воображеніе, какъ волшебная пчелка, летаетъ изъ страны въ страну, по лѣсамъ, городамъ и пустынямъ, и вездѣ находитъ что-нибудь такое, что можетъ принести домой, чтобъ повеселить душу, которая, разгнѣвавшись на шумный, суетливый, безпокойный міръ, уединяется сама въ себя, и въ сладкой, ненарушимой тишинѣ, любуется мечтами, какъ будто картинами волшебнаго фонаря. — Въ это время умъ отдыхаетъ; голова покойна; страсти — сіи подпольные жители сердца — за-

перты въ своемъ погребу: ихъ пробуждаетъ только тревога. Совѣсть — если она чиста — свѣтитъ въ сердцѣ такъ весело, какъ первое утро въ храминѣ новобрачнаго, когда онъ, проснувшись первый, смотритъ на розовыя ланиты своей подруги и ожидаетъ, когда откроются ея голубые глаза. . . . Тутъ душа наслаждается тѣмъ удовольствіемъ, которое ни у кого не отнято, никому не мѣшаетъ, которому никто не завидуетъ и которое выше всякаго наслажденія чувственнаго. А чувства? Что жъ дѣлаютъ чувства? — Они дремлютъ, какъ слуги въ передней, когда ихъ господинъ занимается у себя своимъ дѣломъ. Вотъ тайна непокупнаго и непродажнаго наслажденія *внутренняго*, тайна, которую кто-то сказываетъ добрымъ, когда они утомятся въ свѣтѣ, который вѣчно шумитъ и кружится какъ мельница на полномъ вѣтру и мелетъ все, что въ него ни попадаетъ. . . . Но вотъ другая картина! Вдругъ подлетаетъ къ душѣ уединенницѣ *суета земная*. — Прощай спокойствіе! Все приходитъ въ волненіе . . . . чувства жадно ловятъ впечатлѣнія — добрыя и худыя; умъ, встрепенувшись, гордо осматривается и умствуетъ . . . . страсти тотъ-

часъ выползаютъ, вспыхивюатъ, рвутся и, толкая другъ друга, толпятся въ сердцѣ; мысли волнуются; голова кружится, какъ жерновъ. . . . . Во всѣхъ этажахъ человѣка страшная тревога: тутъ говорятъ, спорятъ и ссорятся о чести и почестяхъ, о видахъ, надеждахъ и желаніяхъ. . . . . Тутъ слышно шипѣніе зависти, ропотъ самолюбія и цѣпь отношеній, приличій и обязанностей, мгновенно накинута на душу, какъ арканъ Горскаго разбойника, и влечетъ бѣдную, изъ минутной независимости, въ рабство и тревогу, называемую — *свѣтскою жизнію*, гдѣ умъ изгибается и коварствуетъ, языкъ лжетъ, и лице, какъ искусный Актеръ, играетъ такія роли, какихъ настоятельно требуютъ обстоятельства.

XV.

СВИДАНІЕ въ ЛУНѢ.

Въ кипящей юности моей, когда я ничего не зналъ еще о жизни, людяхъ и свѣтѣ, я видѣлъ жизнь и свѣтъ въ голубыхъ глазахъ красавицы. Эльмира было имя ея. Одно только безмолвіе можетъ сказать, какъ она была прекрасна. Рано по утрамъ, когда я, вмѣстѣ съ птичками, подстерегалъ восходъ солнца, я часто оставался въ нерѣшимости, что прекраснѣе, природа ли, пробуждаемая алымъ утромъ, или милая дѣва, опочивающая на бѣломъ ложѣ, подъ тонкою дымкою, такъ покойно, какъ чувство ясной надежды и тихой любви почиваетъ въ груди человѣка. Мечты и видѣнія, казалось, соглашались забавлять невинную; ей всегда снилось что-нибудь прекрасное, ибо улыбка всегда порхала на прекрасныхъ устахъ ея. Казалось, полная молодая роза жила и дышала на сихъ свѣжихъ устахъ! На

часахъ моей жизни ударилъ часъ разлуки. И дни, и мѣсяцы, и годы какъ будто слились въ одно *вчера* и наступило то *завтра*, которому надлежало быть послѣднимъ для нашего послѣдняго *прости!* Теплый весенній дождикъ умылъ лице природы. Благословеніе сошло на обновленную землю. Густый ароматъ черемухи и тонкій запахъ фіалки, какъ бальзамъ весны, незримый, но ощущаемый, освѣжалъ, облагороживалъ воздухъ. Протяжными перекатами свисталъ соловей, какъ будто съ кѣмъ-то перекликаясь. . . . Все было весело, только печалились мы.

Скоро пространство раздѣлитъ насъ! Чужія земли, города, рѣки и народы станутъ между нами. Когда и гдѣ увидимся съ тобою, Эльмира? . . . Человѣкъ есть рабъ отношеній и мѣста; это ссылочный узникъ, влачащій по землѣ тѣлесныя оковы свои. Но мысли его свободны! Гдѣ жъ найдемъ точку, въ которой бы встрѣчались наши мысли, чтобъ можно было сказать: теперь глаза друга устремлены *туда*. . . За взорами мысли, за мыслями души повстрѣчались бы на одномъ предметѣ? Въ это время, когда мы такъ говорили, засвѣтлѣлся серебряный дымъ облаковъ и ласковая

полноликая луна выступила и улыбнулась привѣтливо, какъ будто подслушавъ разговоръ разстающихся.

Новая мысль сверкнула какъ молнія... Будь она — указывая на луну — нашею посредницею, привычнымъ мѣстомъ свиданія нашихъ душъ!... И условіе сдѣлано: гдѣ бы кто ни былъ, смотрѣть на луну въ часъ ея восхожденія и заката, и думать, что, въ нѣкоторое мгновеніе, мысли обоихъ могутъ повстрѣчаться въ ней!... И такъ прошло долго, долго послѣ разлуки съ милой. — Высокіе огни военнаго стана пылали на лѣсистыхъ берегахъ Нѣмана: кони ржали, оружіе брянцало, съ утромъ ожидали боя — славы — и смерти... Я прислонился къ корню вѣковой ели и ожидалъ — Луны... Разсыпчатое серебро заблистало въ волнахъ рѣки? Она взошла, и я увидѣлъ въ лицѣ луны — лице моей Эльмиры: лиловое покрывало осѣняло русые волосы, бѣлая роза сіяла на челѣ... Уста ея, казалось, что-то произносили и слухъ души моей уловилъ только сіи слова: „Я разгадала загадку жизни! Неназывай смертію минутный переходъ! Любовь соединяетъ міры; любви уступаетъ пространство... Любовь стихія неба: будь она

стихіею твоего сердца, и небесное соединится съ земнымъ! — Прощай! Мы розно и вмѣстѣ, пока не разорвется нить душевнаго союза.“ Сіи слова напечатлѣлись на моемъ сердцѣ, и съ тѣхъ поръ, не разъ, въ свѣтлыя минуты туманной жизни, земное возвышалось до небеснаго, и небесное сливалось для меня съ земнымъ.

XVI.

ВОЖАТЫЙ.

Однажды въ сумерки, когда я находился въ бездѣйственной задумчивости между сномъ и бдѣніемъ, *Онъ* явился ко мнѣ. Чрезъ затворенную дверь вошелъ *онъ* въ комнату, схватилъ меня за руку и широкими шагами повелъ, все прямо, въ далекій путь. Мы подходили къ лѣсамъ, они предъ нами разступались; приближались къ стѣнамъ, онѣ раздвигались; мы взлетали на горы поднебесныя, спускались въ пропасти подземныя; вездѣ намъ мостились мосты, вездѣ ожидали челноки самоходы. . . . Чудесный вводилъ меня даже во внутренность огромныхъ камней, подъ поддонія рѣкъ и показывалъ составъ деревъ подъ ихъ корою. . . Повсюду жизнь и бытіе! — Вездѣ я видѣлъ духъ жизни. *Онъ*, сей животворный духъ, развивалъ нѣжные стебельки цвѣтовъ; *онъ* двигался по грубымъ жиламъ гранита; *онъ*

пролеталъ, какъ молнія, нѣдра земли и зарождалъ металлы..... Я видѣлъ таинства природы и тайныя общества человѣковъ; все обошелъ, облетѣлъ, видѣлъ, не зная самъ, кто былъ вожатый мой, крылатый какъ *Меркурій*. И теперь друзья говорятъ мнѣ: ты былъ водимъ *воображеніемъ!* "

XVII.

ЗАВѢТНОЕ ЗЕРКАЛО.

Дитя лежало на распутіи, въ дикой и знойной сторонѣ. Пелена стѣсняла младенца, голодъ и жажда томили его. Никто не слыхалъ его дѣтскаго крика, никто не орошалъ млекомъ жизни его засохшія уста. Благодѣтельная Фея, гоняясь за душистымъ вѣтеркомъ, чтобъ отнять у него ароматъ похищенный у любимыхъ цвѣтовъ ея, остановилась надъ младенцомъ, заняла у мимо летѣвшей пчелы каплю сладкаго меда и оживила ею помертвѣлыя уста покинутаго страдальца. Она сжалилась надъ бѣднымъ, и любовь ея усыновила оставленнаго человѣка. Для него сошла она на землю, и въ глубокомъ уединеніи цвѣтущей пустыни ласкала и лелѣяла питомца своего. Дитя видѣлъ кругомъ себя зеленую пустыню, смотрѣлъ на тихое, свѣтлое небо, на румяныя зари, какъ онѣ мѣнялись съ золо-

тыми звѣздами, на ясныя радуги, когда онѣ играли въ серебряныхъ ключахъ и потокахъ; но ничего, ни на землѣ, ни въ небѣ, не видалъ онъ прелестнѣе лица своей матери; такъ называлъ онъ благодѣтельную Фею. Годы дѣтской безпечности протекли какъ сновидѣніе. Дитя сталъ юношею и послышалъ сердце въ груди своей. Оно было игриво и пылко, и часто зажигалось неизвѣстнымъ желаніемъ. „Пора тебѣ туда!" говорила Фея, указывая питомцу на свѣтъ, гдѣ жизнь и суета такъ весело шумѣли въ обществахъ человѣческихъ и гдѣ гражданственность сіяла въ великолѣпныхъ созиданіяхъ своихъ. „Иди въ путь свой и, на дорогу, возьми отъ меня завѣтный подарокъ — это небольшое зеркало. Носи его на груди тамъ, гдѣ сердце, утирай каждый день чистымъ полотенцомъ, и, если будешь жить, какъ я тебя учила, оно всегда будетъ свѣтло. Сгруститется ли тебѣ въ свѣтѣ? загляни въ своё зеркало: ты увидишь тамъ меня и много хорошаго, и душа твоя разцвѣтетъ какъ цвѣтокъ, обласканный солнцемъ— и будешь ты счастливъ. . . . Но береги мой даръ: ему легко разбиться, еще легче затускнуть." — У воротъ большаго города

юноша ощутилъ послѣдній поцѣлуй своей, никому кромѣ его, невидимой подруги; ароматъ и сладость остались на устахъ его.... У воротъ большаго города встрѣтили его страсти и удовольствія. Они дружелюбно обласкали дикаго питомца безлюдной пустыни и повели, какъ гостя, на великолѣпный пиръ жизни. Весело было пришельцу; онъ открылъ сердце надеждамъ и радостямъ: но въ открытое сердце неопытнаго ворвались и пороки. Вскорѣ пробудилась въ душѣ его *тоска*, мука жестокая, никогда имъ неиспытанная; отцвѣла его молодость; улетѣло веселіе. Безпечный шелъ въ свѣтъ такъ легокъ и веселъ — идя не слыхалъ онъ земли подъ собою! — Познакомился съ свѣтомъ, опутался его сѣтями, отдался честолюбію и, вмѣстѣ съ блестящими дарами его, принялъ грузную ношу заботъ, упалъ, отяжелѣлъ духомъ, и тогда земля послышала его на себѣ! Лѣниво и съ трудомъ ступалъ онъ по дорогѣ жизни. Въ томленіи, въ грусти вспомнилъ онъ завѣтъ матери, захотѣлъ увидѣть ея небесный образъ и воскресить свою увядающую душу. Но талисманъ давно уже лишился силы! Его зеркало было темно и печально,

какъ полночное небо. Напрасно погружалъ его въ воду, безполезно изобрѣталъ составы и смѣси: ничто не смывало тусклаго мрака съ его завѣтнаго зеркала. Усталый, отчаянный ломалъ онъ, тоскуя, руки; терзалъ на себѣ одежды, и громко требовалъ у свѣта своего потеряннаго счастія. Мало по малу живая скорбь мертвѣла; онъ отживалъ для жизни и свѣтъ ея блѣднѣлъ и гаснулъ и сердце его застывало, какъ уста покойника. Но погруженный въ глубокую думу, надъ своимъ угасшимъ зеркаломъ, онъ послышалъ однажды какъ будто легкое прикосновеніе крыла.... Чувство умиленія вспыхнуло въ его убитомъ сердцѣ и слезы брызнули изъ глазъ. Одна слеза, какъ жемчужина, упала на зеркало и — чудо! оно мгновенно прояснилось! Изумленный увидѣлъ въ немъ свое минувшее. — Онъ увидѣлъ свое родное небо, и все прекрасное, все благородное, низошло, какъ святыня, какъ роса на томную ниву, въ его померкшую душу и возвело ее до прежней ея дѣвственной чистоты и свѣжести. Изъ-за-розоваго облака мелькнули золотыя кудри и голубые глаза.... Это восхитительное лице его небесной подруги.... *Она* была тонѣе аромата, кото-

рый невидимо дымится надъ цвѣткомъ, и свѣтлѣе радости, которая посѣщаетъ мимолетомъ сердце человѣка. Милыя уста *ея* шептали что-то привѣтное и каждый взоръ былъ праздникъ для души обновленнаго. Онъ благословлялъ *слезу умиленія*, и съ тѣхъ поръ носилъ, какъ тайну, свое омытое сокровище. Ни страсти, ни пороки не касались его болѣе, и счастливый странникъ, на мятежной землѣ, онъ видѣлъ, когда хотѣлъ, и тихое небо, и милую утѣшительницу въ непомраченномъ своемъ зеркалѣ.

XVIII.

ДВА ПУТНИКА.

(Загадка.)

Слѣпецъ отъ рожденія и зрячій, два родныхъ брата близнецы, связанные давнею дружбою, шли вмѣстѣ путемъ, ведущимъ къ морю. Слѣпой не видалъ солнца, но утѣшался теплотою его. Онъ слушалъ пѣніе птицъ и любовался ароматомъ цвѣтовъ и журчаніемъ водъ, отъ которыхъ вѣяла на него прохлада. Онъ до всего дотрогивался и ничему не вѣрилъ, чего не осязалъ. На землѣ еще довольно было предметовъ для услажденія его чувствъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рѣже встрѣчи и тѣмъ печальнѣе слѣпецъ. Но тѣмъ радостнѣе зрячій: обширное море, корабли окрыленные парусами, пловцы и рыболовы, и зыбкая даль, слiянная съ небомъ, утѣшали его. ,,Вотъ ужъ конецъ всему!" говорилъ уныло слѣпецъ. — ,,Земли не достаетъ болѣе подъ стопами моими; съ нею изчезаетъ моя существен-

ность! — Тамъ конечно ничего нѣтъ, гдѣ я ничего не осязаю. За мною остались всѣ блага, всѣ наслажденія; шагъ далѣе, и бездна, называемая моремъ, поглотитъ меня, и я погибну безъ возврату! Конецъ всему, конецъ всему!" — „Всему начало только тутъ!" говорилъ зрячій. — „Мы скитались, усталые путники, по каменистымъ и скользкимъ стезямъ на землѣ; теперь ожидаетъ насъ быстрый корабль. Спокойно и весело полетимъ мы по зыбкимъ морямъ въ далекіе края. И новое небо, и новая, вѣчноцвѣтущая страна, ожидаютъ насъ! — Туда, туда! говорилъ зрячій, и ласково ободрялъ своего нерѣшительнаго спутника-слѣпца.

XIX.

ПРЕКРАСНОЕ СОСѢДСТВО.

Въ большомъ городѣ, въ большомъ домѣ, гдѣ, какъ въ огромномъ кораблѣ, много было жильцовъ всякаго рода, всякаго званія, жилъ нѣкто въ уединенныхъ покояхъ, одинъ по своей волѣ. Онъ ни въ чемъ не хотѣлъ себя ограничивать, не хотѣлъ себя стѣснять, да и за чѣмъ? Онъ былъ господиномъ у себя: кругомъ глухія стѣны! — Жилецъ привыкъ безпокойно ходить, громко говорить, свистать, пѣть и шумѣть. Никто его не слыхалъ и все проходило. . . . Иногда сбирались къ нему товарищи, тожъ беззаботныя головы, — они пили, курили и кричали, часто какъ безумные. Кто-нибудь говорилъ: „что, братцы, мы такъ шумимъ; не стыдно ль?“ Ничего! отвѣчалъ хозяинъ, кругомъ никого нѣтъ, все глушь и пусто! Такъ было долго. Вдругъ послышалъ жилецъ, что за стѣною что-то стучатъ и работаютъ.

Онъ навѣдался и ему сказали, что въ сосѣдство къ нему переѣзжаетъ прекрасная дѣвушка, молодая, невинная, знатнаго рода и *нездѣшняя. Жилецъ тотъ-часъ сталъ осмотрительнѣе.* Красавица переѣхала и поселилась: онъ не видалъ ее, но чувствовалъ. Часто въ глубокой тишинѣ онъ слышалъ, за тонкою стѣною, походку: — она была легка и спокойна; *слышалъ нѣкоторыя слова — онѣ были* сладки и разумны. Жилецъ сидѣлъ дома какъ связаный: не смѣлъ громко слова выговорить, ни крѣпко ногою ступить: ему стыдно было обезпокоить *сосѣдку - красавицу.* Но принужденіе *мало по малу становилось пріятно,* и наконецъ обратившись въ привычку, не стало принужденіемъ. — Мысль: *я не одинъ,* меня слышатъ! — останавливала его во многомъ. Своеволіе покорилось волѣ, а воля смирилась *предъ необходимостію.* Онъ сталъ совсѣмъ *иной:* уже не принималъ къ себѣ шумливыхъ гостей: не стучали у него стаканами, не спорили за карточными столами.... Жилецъ нашъ былъ не очень набоженъ: не молясь ложился, *такъ и вставалъ!* Но сосѣдка была не такова.

Часто, когда вечеръ, своею сизою паволокою, застилалъ широкія площади города и на

высокомъ небѣ высвѣтливались серебряныя звѣзды, за стѣною жильца слышался тихій голосъ, полный любви и жизни, — и звѣнѣли звуки златострунной арфы. Это былъ *гимнъ* молитвы вечерней, это было чувство души, чувство свѣтлое, неуловимое, иногда безсловное; ибо душа своимъ благоговѣйнымъ онѣмѣніемъ часто говоритъ болѣе, нежели словами. Это была такая молитва, которая оставляетъ ароматъ и сладость на устахъ произносящихъ ее. Жилецъ слушалъ, забывался и молился по сладкому влеченію сердца. Такъ было долго. — Успокоенный, затихшій, чувствовалъ, что сосѣдка его была нравственною воспитательницею его; но онъ никогда не видалъ ее, а такъ съ нею свыкся, что по всему сталъ ей своимъ. Слыхалъ онъ только отъ другихъ, что *она* была *гиста* какъ бѣлизна, и нѣжна какъ существо *нетѣлесное.* Но въ одну свѣтлую минуту жизни онъ увидѣлъ ее, и, чудо! они по чему-то узнали другъ друга и никогда уже не разставались болѣе. Это достовѣрное преданіе всегда казалось мнѣ какимъ-то *иносказаніемъ.* Я потому говорилъ о немъ съ людьми знающими, которые разтолковали мнѣ все очень

ясно, и. я согласился съ ними, что *сосѣдка-красавица* была тоже, что для человѣка бываетъ *совѣсть*, когда онъ начинаетъ ее чувствовать.

XX.

РАЙСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

(Сонъ.)

Былъ одинъ день въ моей жизни, который случилось мнѣ провести въ обществѣ людей, гдѣ судили ближнихъ своихъ. Не могу сказать, чтобы судъ людей сихъ былъ несправедливъ; но къ сожалѣнію, не могу сказать и того, чтобы онъ былъ *милостивъ*. Свѣтскіе мудрецы слишкомъ многаго требовали отъ бѣдной природы падшаго человѣка и не хотѣли помнить священной заповѣди любви: „Будьте милостивы, какъ и Отецъ вашъ милостивъ есть.“ — Съ стѣсненнымъ сердцемъ шелъ я домой и не вольно размышлялъ о той прекрасной *притчѣ*, которую расказалъ намъ Небесный Учитель въ земномъ своемъ странствіи между человѣками (*). Сколько, думалъ я, *при большой дорогѣ жизни* лежитъ теперь бѣдныхъ путниковъ, избитыхъ, израненыхъ

(*) Притча о благодѣтельномъ Самарянинѣ (Луки X 25-37.)

нравственными разбойниками — *страстями!* Проходятъ мимо толпы *Левитовъ и священниковъ*, съ холоднымъ осужденіемъ, и скоро ли найдется *Самарянинъ*, которой бы, *сжалясь*, возлилъ вино и елей на раны человѣка, можетъ быть виновнаго, но слабаго и несчастнаго! Съ сими и подобными мыслями уснулъ я на жесткомъ ложѣ, въ своей убогой хижинѣ, и *сонъ удивительный привидѣлся мнѣ*. У изголовья моего вдругъ очутился *кто-то*, кого я не видалъ, но *чувствовалъ*. Его присутствіе было ощутительно такъ, какъ ощущаемъ въ себѣ присутствіе высокихъ мыслей *о Божествѣ и добродѣтели. . . . Сей невидимый*, какъ мнѣ казалось, говорилъ или читалъ громкимъ голосомъ слѣдующее: „Когда первый человѣкъ изгнанъ былъ изъ Рая и мечъ грознаго Херувима уже пламенѣлъ между *имъ и вратами* Эдема, тогда первый человѣкъ, обратясь, сказалъ къ Господу, взиравшему отъ небесъ: „Господи, Боже мой! подари мнѣ бѣдному изгнаннику что-нибудь такое, что бы могло въ горькой ссылкѣ моей напоминать мнѣ о томъ благополучіи, которымъ наслаждался я нѣкогда въ священной обители Рая. . . .“ Господь принялъ моленіе и соб-

ственною, благодатною рукою взялъ одинъ прекрасный цвѣтокъ изъ Рая и подалъ его просящему, съ сими словами: „*Насади въ сердцѣ своемъ!*“ Первый человѣкъ принялъ съ восторгомъ прекрасный цвѣтокъ, который тотъ-часъ окружилъ его благоуханіемъ Рая и пролилъ небесную прохладу въ груди, палимой зноемъ грѣха. Въ послѣдствіи открылось, что собственное имя цвѣтка сего было — *состраданіе къ ближнему* . . . . и всякій, въ чьемъ сердцѣ прозябалъ цвѣтокъ сей, ощущалъ высокое чувство духовнаго услажденія; — и всякій, кто только слышалъ хотя издалека небесный ароматъ цвѣтка сего, могъ уже понимать то неописанное блаженство, которымъ утѣшался нѣкогда первый человѣкъ *въ Раю сладости*, во дни своей невинности.“ Тутъ говорящій невидимецъ умолкъ; но душа моя долго плакала и сердце таяло отъ умиленія. . . . Утренній вѣтерокъ дохнулъ въ растворенное окно и тѣлесныя очи мои открылись. . . . Земля и небо были прекрасны: заливы сѣверныхъ морей стояли тихи, какъ синее стекло; алая заря отражалась въ нихъ, какъ легкій румянецъ на лицѣ спящаго младенца. Сосновыя рощи разливали смолистый

запахъ по теплому воздуху; зеленый садъ усыпанъ былъ алмазною росою: птички пѣли, цвѣты благоухали. . . . „Боже! какъ богато украшено твоею милостію и самое заточеніе человѣка!“ Это было восклицаніе моего сердца, и въ ту минуту мнѣ такъ хотѣлось, чтобы всѣ несчастные, всѣ страдающіе на сей землѣ сѣтованія, соединились, слились въ одно существо, которое могъ бы я свободно прижать къ моей груди и облить слезами *участія;* это мечтательное желаніе было конечно послѣдствіе необычайнаго сна и сладкаго умилительнаго воспоминанія о прекрасномъ райскомъ цвѣткѣ.

XXI.

САТИРЪ и ВЕСТАЛКИ.

Космашый! за чѣмъ шакими распаленными глазами глядишь шы на свяшое убѣжище чисшыхъ дѣвъ? Невидимая сила ограждаешъ ихъ! Но швое дерзкое воображеніе, какъ коршунъ, перелешаешъ забралы, ломишся сквозь враша за запоры и, какъ голодный волкъ, ворвавшись въ убѣжище невинныхъ, нагло срываешъ покровы съ ихъ дѣвсшвенныхъ красошъ. Но шрепещи! Священный огнь, хранимый какъ шайна, не шерпишъ ничего нечисшаго. . . . Онъ превращишся въ перуны и раздробишъ дерзновеннаго за его пресшупные помыслы и дерзкія мечшы! — Безобразный, шревожимый пожеланіями, *Сатиръ* не есшь ли Порокъ? А скромная, спокойная Весшалка не означаешъ ли *Души*, сохраняющей, какъ свяшыню, огонь высокой чисшошы?

XXII.

НЕОСЯЗАЕМАЯ УТѢШИТЕЛЬНИЦА.

Я былъ печаленъ, какъ ночь, которая застала меня въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ я мучился въ тоскѣ безъ упованія. Это была одна изъ первыхъ осѣннихъ ночей. Глубокая темнота сошла на землю. Давно погасло солнце за голыми каменными скалами. Я смотрѣлъ на потухающіе лучи съ возрастающею грустію. Такъ же блѣднѣли и такъ же погасли мои лучшія ожиданія, мои вожделѣннѣйшія радости. Ни одна изъ звѣздъ не показывалась на небѣ, ни одно изъ свѣтлыхъ чувствъ не сіяло въ душѣ моей. Только мѣсяцъ багряный, какъ будто налитой кровью, выступилъ на край неба и глядѣлся въ уединенный потокъ, разливая кругомъ тусклое, унылое мерцаніе. Я смотрѣлъ — ничего не видя. . . . Вдругъ, вдалекѣ, туманъ началъ тихо клубиться, и мракъ какъ будто разтворился. . . Блеснула

золотая точка, и разгараясь болѣе и болѣе, подходила ко мнѣ въ образѣ прекраснаго *видѣнія*. Это была дѣва прелестная, миловидная, въ лиловой одеждѣ и въ бѣломъ вѣнкѣ. Лице ея, украшенное дѣтскою невинностію, сіяло, какъ лице невѣсты, когда она произноситъ первое „*люблю!*“ Весело и дружелюбно подошла она ко мнѣ угрюмому и пасмурному и кинулась на грудь! Я обхватилъ прелестную. . . . Но она была неосязаема, какъ сновидѣніе неуловимое, какъ ароматъ, какъ мечтаніе. Она прикоснулась ко мнѣ, какъ легкій благовонный паръ, и вдругъ какъ будто разтаяла, и неизъяснимая сладость слилась съ моею огорченною душею — и все бытіе мое прояснилося. . . . Видѣніе исчезло, только долго курился въ воздухѣ ароматъ. Наконецъ мало помалу всё стало, какъ было: окрестности еще больше молчали и темнота становилась темнѣе. . . . Но въ душѣ моей занялся разсвѣтъ новаго прекраснаго дня. Я былъ наполненъ непонятнымъ спокойствіемъ — и мнѣ казалось, что изъ сердца на уста мои, накипѣвшія желчью, изливалась благовонная сладость, какъ будто вкушалъ я млеко и медъ. Я возвратился домой веселымъ и счастли-

вымъ, самъ не зная отъ чего. Нѣкто, опытный въ познаніи нравственной природы человѣка, объяснилъ мнѣ нѣсколько случившееся и сказалъ: „ты принялъ въ душу — *надежду!*“

XXIII.

ТРИ ЭПОХИ.

Есть прекрасная, тихая сторона, *Углидою* называютъ ее. Тамъ, когда я видѣлъ эту сторону *въ первый разъ*, не было ни солнца, ни луны. Одна вечерняя звѣзда свѣтлѣла ясно, и тонкіе лучи ея, какъ серебряныя шелковистыя нити, сновали по всему пространству. На свѣжихъ, зеленыхъ лугахъ лежала неосязаемая ткань, какъ легкая серебряная дымка.... Въ той сторонѣ неизвѣстной, на тѣхъ лугахъ невѣдомыхъ, гуляла прекрасная дѣвушка, въ безмятежномъ равнодушіи. Она улыбалась на бабочку, прильнувшую къ ея рукѣ. Такіе же мотыльки и бабочки — синіе легкокрылые яхонты — порхали по серебрянымъ лучамъ. Гуляющая красавица, не тоскуя и не радуяся, была совершенно одна, сама съ собою и съ своими мотыльками летучими.

Я видѣлъ ту же страну въ другой разъ. Но въ ней зараждался уже призракъ дня и алое сіяніе; предвѣстіе солнца, густо лежало на половинѣ неба. Прекрасная дѣвушка гуляла тамъ же. Но она была какъ-то менѣе одна.

И въ третій разъ увидѣлъ я страну Улладу. Но серебряная ночь уже явственно перемѣняется тамъ въ веселый, бѣлый день. Алмазы росы блещутъ на зелени. На землѣ все свѣжесть; въ воздухѣ все услажденіе! Прекрасная дѣвушка жила прежде только для себя, была одна. Теперь вся природа кажется дружится съ нею! Все около нее любитъ и ласкается. Цѣлыя семейства бѣлыхъ голубковъ мѣстятся на вѣткахъ какихъ-то густыхъ зеленыхъ деревьевъ и нѣжно цѣлуются.... На плечахъ ея сидятъ такъ же бѣлые голубочки, смотрятъ на нее злато-розовыми глазами и что-то ей какъ-будто нашептываютъ.... Ручьи бѣгутъ къ ручьямъ; вѣтьви клонятся къ вѣтьвямъ; все соединяется; все учитъ единству, согласію, дружбѣ и любви нѣжной, благородной, невинной, высокой, какъ небо, и чистой, какъ его внушенія.

Можетъ быть эта прекрасная дѣвушка означаетъ *душу*, а мотыльки не значатъ ли летучихъ мыслей? Но что все прочее?... догадайтесь!...

XXIV.

НЕРАЗЛУЧНЫЯ.

Спокойны жители Востока! Они удивляются живой, порывчатой дѣятельности суетливыхъ Европейцевъ. Важный, благовидный обитатель береговъ Гангеса и Эфрата, безмолвно сидящій на узорчатомъ коврѣ своемъ, сложа руки выше пояса, съ улыбкою сожалѣнія смотритъ на странную дѣятельность Европейца, бѣгающаго туда и сюда, иногда съ необдуманною рѣзвостію ребенка, но по большой части, съ нѣкоторымъ тоскливымъ, много-заботнымъ и, не рѣдко, судорожнымъ движеніемъ человѣка, какъ будто осужденнаго къ какой-то страшной участи. „За чѣмъ же хвалятся они сво-„ими науками, своею Философіею?“ говорятъ Восточные о Европейцахъ: „когда ихъ науки, „когда ихъ Философія не даютъ имъ — спо-„койствія? Стоитъ ли жить, чтобъ трево-„житься! Человѣкъ созданъ для покоя высо-„каго, для созерцанія усладительнаго. . . .“

Испытатели природы приписывают дѣйствію солнца различіе темпераментов. Полагают между прочим, что сухость воздуха на Востокѣ унимает рѣзвость крови. Неизвѣстно, достовѣрна ли сія причина; но достовѣрно то, что жители Востока, богатые и бѣдные, занятые и праздные, любят молчать, задумываться и предаваться нѣкоторой роскошной мечтательности, придающей и самой их наружности какой-то вид спокойнаго самодовольствія. Дикіе, огненные, стремительные на войнѣ, они мирны среди мира, медленноглаголивы в бесѣдах, кротки, *сладконравны* (*) в домах и кажутся тающими в роскоши садов своих. — Их созерцательное бытіе на земли проходит как долгая, усладительная дремота.

Не далеко от развалин древняго Персеполиса, священно-знаменитой столицы Царей и Магов Персіи, обитал нѣкогда Зунбар,

---

(*) В нѣкоторых мѣстах на Востокѣ существует обычай, сидя с гостем молчать, думать, курить, и только от времени до времени спрашивать друг у друга: „каково теперь расположеніе вашего нрава?" На что отвѣчают: „Оно сладко — как сахар!"

смиренный послѣдователь великаго *Зороастра*. *Слово жизни* (Зендъ-авеста) было правиломъ его собственной жизни, и тотъ, *кто улыбался тотъ-часъ по рожденіи* — былъ мудрецомъ, ему любезнѣйшимъ. Зунбаръ вѣрилъ, что вѣко-вѣчное Время самобытно, безусловно-почивающее въ своей безпредѣльности, *нѣкогда* восхотѣло — и породило *Ормуса* и *Аримана*. Оба были блистательны и благи. Но *Ариманъ* воскипѣлъ завистію — и *потемнѣлъ!* Онъ очреватѣлъ *самостію* и, отторгшись отъ общаго устроенія, отяжелѣлъ и низвратился долу, гдѣ, въ неизчетныхъ видахъ зла, свирѣпствуетъ воюя противу вѣрнаго *Ормуса* и любимыхъ имъ человѣковъ. Глубокая тма, любимая стихія Аримана, окружаетъ его и клевретовъ его. Сія-то тма густо застилаетъ землю, на которую *молитвы вѣрныхъ* низводятъ лучи горняго свѣта изъ лона вѣчно-сіяющаго *Ормуса*. Зунбаръ умѣлъ читать въ великой *книгѣ природы*. Онъ вѣдалъ и священный языкъ (самскритъ), на которомъ написаны книги Зендъ и тайныя *Вѣды*. Каждая буква сего языка, начертанная въ *опредѣленное время*, низводила горній свѣтъ и врачевала, въ извѣстномъ кругѣ, общій недугъ

дольняго мрака. Сады и нивы кроткаго *Зунбара* были плодоноснѣе, его деревья рослѣе и цвѣты махровѣе обыкновенныхъ. Вездѣ кругомъ его видна была, какъ бы священная жизнь и свѣжесть; ибо на немъ почивало благословеніе *повсюду и вселюбящаго* Ормуса.

Послѣдніе лучи солнца отражались на богатой позолотѣ обрушенныхъ лазоревыхъ столповъ, украшавшихъ нѣкогда дворцы и гробницы Царей. Прохладный вечеръ нисходилъ, какъ тайный даръ неба, на раскаленныя поля. *Зунбаръ* сидѣлъ въ саду своемъ, противъ высокаго водомета, подъ живымъ навѣсомъ, на которомъ благоухали красивые ясмины и тысячи бѣлыхъ и алыхъ розъ.

Тишина и благоуханіе возвышали душу его. Онъ видѣлъ радужныя дороги воздушныя, лазоревыя палаты, храмы, литые изъ злата живаго какъ жизнь и тонкаго какъ огонь, сады съ древами не земными, цвѣты изъ алмазовъ и камней самоцвѣтныхъ — и рой младыхъ *Пери*, купающихся въ разливѣ алой зари. Иногда духъ его парилъ еще выше: онъ видѣлъ *хрустальныя врата*, сквозь которыя,

какъ во снѣ, открываются радости рая. . . . И нѣкогда созерцалъ онъ и слышалъ, какъ одна половина неба спорила съ другою о томъ, чего болѣе заключается въ существѣ Господа: *всепремудрости*, или *всеблагости*? И вдругъ, среди таковой созерцательной задумчивости, видитъ онъ однажды предъ собою странную чету. Двѣ женщины явились ему. Одна: — старая, наморщенная, изувѣченная, подпертая клюкою, дряхлая какъ немощь и непріятная для глазъ какъ безобразіе. Другая: — свѣжая, молодая, стройная, съ легкимъ станомъ, съ голубыми ясными очами, съ миловидною головою, на круглой, прямой, бѣлой шеѣ, которая, вмѣсто ожерелья, обнизывалась мѣлкими свѣтлорусыми кудрями. Эта *другая* была вся прекрасна, какъ улыбка невинности и чиста, какъ слеза сердечная. — „Кто вы?“ спросилъ ихъ Зунбаръ, такимъ языкомъ, котораго слова понятны, но не слышны, какъ слова человѣка, разговаривающаго умственно съ самимъ собою. „Кто вы? . . .“

„Мы родныя сестры!“ отвѣчала младшая. „Мы пущены въ міръ человѣковъ, чтобъ ходить по землѣ одной за другою. . . . Она (указывая на старшую) для того, чтобъ му-

чить, а я, чтобъ утѣшать. Она всего лишаетъ; я все замѣняю. Видишь, какія у нее жесткія руки и на нихъ цѣпкіе желѣзные когти!... Мои ладони ласковы, какъ шелковитость атласа, и мягки, какъ ланита невѣсты, лобзаемая женихомъ. Ими лаская, я ублажаю, цѣлю, успокоиваю сердце, растерзанное ею. Она мучитъ, какъ нечистая совѣсть; я успокоиваю, какъ голосъ Ангела къ кающемуся грѣшнику. Она горька, какъ полынь; я сладостна, какъ прохладительное *питіе Востока*. Она — стоны и жалобы, я извлекаю изъ сердецъ человѣческихъ тѣ сладкія, тѣ возвышенныя чувства и тѣ чистѣйшія слезы, которыя духи жизни собираютъ въ златые сосуды и приносятъ какъ дань, какъ лучшую жертву, предъ густо-пламенный престолъ *Наднебеснаго*!" — Но для чегожь вы всегда вмѣстѣ? За чѣмъ ты, *прекрасная*! не бросишь своей безобразной? — Тогда старшая отвѣчала: „Зунбаръ! ты стяжалъ мудрость, но не получилъ еще *ключа разумѣнія*. Вѣдай: такъ поставлено свыше! Безъ меня сестра моя была бы только существомъ умственнымъ; при мнѣ она *дѣйствительна*. Не знали бы цѣлебной сладости врачевства, когда бы не

было огорчительной скорби болѣзни. Истинную цѣнность придаю сестрѣ моей — *я*! Безъ меня люди многое бы забыли и лишились бы счастія облагороживать существо свое тѣмъ высокимъ ощущеніемъ, которое даруетъ *она*! Однимъ словомъ, кто рѣшится не гнушаться моимъ безобразіемъ, къ тому близка будетъ и ея красота; ибо гдѣ я, тамъ и она!...“ Онѣ говорили еще многое, и наконецъ, сказали свои имена на нѣкоемъ Восточномъ нарѣчіи. Звуки сего нарѣчія покажутся можетъ быть странными для Европейскаго слуха, а потому я и означаю имена обѣихъ въ переводѣ. Первая, по нашему, значитъ — *нищета*; вторая — *жалость*!

XXV.

КРОТЪ и ЖАВОРОНОКЪ,

или

кто правъ? кто виноватъ?

Лѣтняя ночь какъ-будто куда-то уходила, утро бѣлѣло, алая заря заиграла въ зеркальномъ потокѣ и прекрасно разцвѣтила край неба. Свѣжій вѣтерокъ подулъ, птички проснулись и, взмахивая крылошками, стрясали жемчужную росу. Въ это время пробудился *жаворонокъ* и полетѣлъ, полетѣлъ въ голубое поднебесье . . . . Онъ взвивался все выше и выше, и выводилъ свою сладкую пѣсню, которой разсыпчатые звуки сыпались и на землю звонкою дробью. Наконецъ напѣлся, слетѣлъ и усѣлся. Въ это время проснулся и *кротъ* и, чуя свѣжесть утра, пошелъ лазить по своимъ подземнымъ канурамъ. Жаворонокъ былъ сосѣдъ кроту по гнѣзду. И вотъ под-

земельникъ, высунувъ морду, чтобъ надышаться свѣжимъ воздухомъ, началъ говорить такъ:

К р о т ъ.

„Скажи мнѣ, жаворонокъ! куда ты дѣваешься: тебя почти никогда нѣтъ на гнѣздѣ? я слышу иногда, очень издалека, отрывки твоей пѣсни, но не могу постигнуть, гдѣ и зачѣмъ ты бываешь?

Жаворонокъ.

„Любезный сосѣдъ! я остаюсь на гнѣздѣ столько, сколько требуетъ неминучая надобность для приведенія въ порядокъ моего хозяйства, для напитанія малютокъ, а все прочее время посвящаю созерцанію *лучшаго*, наслажденіямъ высшимъ. . . .

К р о т ъ.

„А что это за наслажденія *высшія*? Ты ихъ кушаешь, или пьешь?“

Жаворонокъ

„Несчастный кротъ! Ты даже не знаешь, что такое высота: ты никогда не видалъ неба! . . . Ахъ! еслибъ ты могъ почувствовать, какъ восхитительно вознестись высоко,

высоко, видѣть надъ собою золотое солнце, кругомъ себя радужный воздухъ, а подъ собою рощи, поля, горы, моря, корабли, ясныя, какъ стекляныя, воды и жилища человѣковъ, и самихъ людей идущихъ, ѣдущихъ и нерѣдко останавливающихся, какъ будто послушать той пѣсни, которую я пою не для нихъ и не для себя, а по какому-то мнѣ неизвѣстному побужденію и для предѣловъ нездѣшнихъ....

Кротъ.

„Несчастный жаворонокъ! Ты вѣрно лишился ума! откуда набралъ ты столько небывалыхъ вещей: солнце, рощи, горы, моря, корабли...? Я ничего этого не понимаю, потому, что ничего не видалъ, то есть *неощупывалъ.*

Жаворонокъ.

„Но если не видалъ и, къ нещастію, не можешь видѣть, то по крайней мѣрѣ ты — *вѣришь!* Для чего мнѣ тебя обманывать?“

Кротъ.

„О, нѣтъ! нѣтъ! я ни чему не вѣрю, чего не чувствую, чего не осязаю....

Жаворонокъ.

„И шакъ шы не вѣришь ни чему, что внѣ швоего осязанія! Какъ же малъ, какъ шѣсенъ кругъ швоихъ понятій!...

Кротъ.

„Нѣтъ! Я благодарю Бога, создавшаго меня: мнѣ довольно просторно! Я хожу, куда хочу; самъ себѣ рою дороги, и гуляя, откармливаюсь. Ѣсть или спать, вотъ мои главныя занятія. О другомъ ни о чемъ не думаю, головы не ломаю: потому, что все прочее есть выдумки, расказъ, пустые слухи, молва.

Жаворонокъ.

„Какъ ты непонятенъ!“

Кротъ.

„Такіе — какъ вы летуны — болтуны! — Богъ знаетъ, куда унесетесь — и что видите, и чего не видите, про всё намъ поете; а мы слушай, да вѣрь! — Вотъ, небось, тучная сосѣдка — перепелица, изъ вашего же рода, а ни чего почти не видала такого, о чемъ ты мнѣ такъ усердно насвистываешь.

Жаворонокъ.

„Жалкой! . . . . какого благополучія лишаешь ты себя! Ахъ, если бъ ты только могъ повѣрить, то, и не видя, ты бы почувствовалъ, а почувствовавъ, ты бы уже наслаждался. . . .

Кротъ.

„Спасибо! мы и такъ наслаждаемся про себя, тихомолкомъ, когда попадутся сладкіе корешки и жирные черви. . . .

Жаворонокъ.

О, какъ это грубо! какъ это пахнетъ землею! . . . .

Кротъ.

„Ну, хорошо! мы сдѣлаемъ повѣрку: я, ползая подъ землею, нахожу себѣ пищу, покой и сытый запасъ, которымъ, пожалуй, и тебя, сосѣдъ, радушно поподчую. — А ты, летая въ свою какую-то заоблачность, что оттудова приносить изволишь?“

Жаворонокъ.

„Онъ ничего не понимаетъ! — Я пою! . . . . Я радуюсь! . . . . Я приношу оттуда миръ и наслажденія.

Кротъ.

„Тьфу пропасть! Да что это за наслажденія: можно ли ихъ взвѣсить, смѣрить, продать или спрятать въ запасъ?...“

Жаворонокъ.

„Нѣтъ!“

Кротъ.

„Ну, такъ ужь это сущій вздоръ! Мой запасъ пахнетъ для тебя землею; а твой для меня ни чѣмъ не пахнетъ; и не мудрено! потому что онъ самъ *ничего*! такъ, пустое воображеніе!

Жаворонокъ.

„Бѣдный кротъ!“

Кротъ.

„Бѣдный, тощій жаворонокъ! прощай! прощай!“

Жаворонокъ.

„Бѣдный *жирный* кротъ, прощай!

Кто же правъ? кто виноватъ?....

ОПЫТЫ

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫХЪ ОПИСАНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ПОДРАЖАНІЕ.

Златое солнце догорало,
И гаснулъ пышный лѣтній день;
Свѣтлѣли голубые своды
И миръ сіялъ на небесахъ;
И тихо отражали воды
Покой небесъ въ своихъ струяхъ,
Какъ совѣсть праведника, ясныхъ!
Зефиръ надъ нивой задремалъ,
И море жатвы не струилось. . . .
И въ сей чудесной тишинѣ,
Я видѣлъ дѣву молодую:
Она, высоко на скалѣ,
Подъ сосной древнею стояла,
Едва касаясь до земли;
И грудь подъ дымкой колыхалась,
И семи-ствольная свирѣль
Къ устамъ рубиновымъ прильнула.
На свѣтлыхъ пламенныхъ очахъ,
Съ любовью къ небу возведенныхъ,
И на челѣ ея младомъ,

Высокая сiяла дума.
И, мимолетная краса,
Она какъ будто ненарочно,
Остановилась на землѣ.
Поля и долы оглашались
Пѣвицы пѣснiю святой.
Она, казалось, соглашала
Съ музыкой горней свой напѣвъ. . . .
И каждой звукъ ея былъ сладокъ,
Какъ первый счастiя обѣтъ;
Какъ первая улыбка славы;
Какъ заслуженная хвала;
И былъ заманчивъ какъ надежда,
Для пылкой молодой души!
Обвороженный дивной пѣснью,
Я весь былъ слухъ, и весь восторгъ.
Но гаснулъ день. . . . Златое солнце,
Тонуло въ дальнихъ облакахъ,
И за туманомъ серебристымъ
Она сокрылась какъ мечта. . . .
Ея ужъ нѣтъ. . . . Но пѣснь святая
Еще жива въ моей душѣ!
Еще въ часы златыхъ мечтанiй,
Все тѣ же звуки слышу я;
И всякой разъ, въ восторгѣ пылкомъ,
Хочу друзьямъ ихъ передать;
Но непослушная мнѣ лира,
Другiе звуки издаетъ!

Такъ, подражатель безуспѣшный,
Я видно небомъ осужденъ
Не выражать и половины,
Въ моихъ безрифменныхъ стихахъ,
Того, что чувствую, что слышу,
Когда въ душѣ моей горитъ
Восторгъ святова вдохновенья
И весь я полонъ сладкихъ думъ.

II.

С О Н Ъ.

Я кѣмъ-то былъ вознесенъ на острый верхъ скалы:
— Такъ мнѣ въ младенчествѣ приснилось —
Кругомъ меня дробилися валы
И море бурное пѣнилось,
И, съ воемъ, стадо чудъ кругомъ скалы тѣснилось:
Огонь горѣлъ у нихъ въ очахъ!
Я былъ одинъ — и весь былъ страхъ;
И сердце, въ молодой груди, чуть билось.
И милой жизни я сказалъ: прости!...
Вдругъ пылкій огнь въ мои втѣснился жилы
И кто-то мнѣ орлины придалъ крылы
И громко возопилъ: „лети!“
И я, подъ свѣтлыми летая небесами,
Смотрѣлъ на міръ спокойными очами
И видѣлъ землю съ высоты:
Тамъ рѣки въ дальнія моря бѣжали,
Тамъ грады пышные, тамъ области лежали;
И въ нихъ кипѣла жизнь, шумѣли суеты,
И страсти бурныя пылали.

Но полнъ я былъ святыхъ, высокихъ думъ!
И я въ земной мятежъ не опустился
И съ прахомъ, отъ земли летящимъ, не смѣсился,
И слышалъ лишь вдали — земной тревоги шумъ!

III.

НЕЗДѢШНЯЯ ГОСТЬЯ.

Плыветъ величаво,
По синему небу,
Серебряный мѣсяцъ....
И зорю смѣняютъ
Вечернія звѣзды.
И дремлютъ, насупясь,
Высокія сосны.
Туманъ застилаетъ
Широкое поле.
Всё пусто, безмолвно,
И въ зáмкѣ нагорномъ,
И въ ближней дубровѣ,
И въ дальнихъ долинахъ.
Прелестная дѣва,
Пряма, величава,
Въ одеждѣ бѣлѣйшей
Тумановъ вечернихъ,
Какъ духъ благодатный,
Какъ горняя радость,
Какъ житель безплотный

Надзвѣзднаго града,
Одна, молчалива,
Подъ вѣтлою ивой;
И къ персямъ прижаты
Лилейные персты;
И смотрятъ недвижно
Лазурныя очи
На мѣсяцъ унылый. . . .
Часы пролетали
И звѣзды погасли,
И вспыхнуло утро
На темномъ востокѣ,
И скоро не стало,
Подъ вѣтлою ивой,
Красы молчаливой. . . .

IV.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Скрывалось за горы
Роскошное солнце,
И долгій день лѣтній
Угаснулъ, и вечеръ
Насталъ съ тишиною,
И въ воздухѣ душно!..
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ,
И сизая туча
Въ дали загаралась;
Далекое эхо
Въ горахъ рокотало....
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ
Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла,
Не знаю откуда,
И, зыблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло — и сладко!..

Я весь сталъ — вниманье,
И весь — упоенье:
Душа разрывалась
Отъ пѣсни унылой;
Душа восхищалась
Унылою пѣснью....
И отзывъ далекій
Друзей отлученныхъ;
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья;
И стоны разлуки,
И шопотъ предчувствій,
Грядущаго тайны.
Все, все выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы.
Мнѣ видѣлось, мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо
И звѣзды, внимая,
Горѣли яснѣе,
И грохотъ нагорный
Затихъ!... и въ забвеньи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ....
Пѣвица всё пѣла,
Но вмѣстѣ съ росою
Подъемлясь все выше,

Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула! . . .
Откуда ты, птичка,
Небесная радость!
Гдѣ край тотъ далекій,
Въ которомъ ты, прелесть!
Гостишь неотлетно?
И странникъ печальный,
Въ семъ мірѣ мятежномъ
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу ль — опять я,
Въ безмолвіи ночи,
Залетная гостья!
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

V.

НЕЗДѢШНІЯ ДѢТИ.

Дѣтей привезли изъ чужой стороны.
Лелѣютъ и нѣжатъ заѣзжихъ гостей;
И дѣти ростутъ не по днямъ, по часамъ,
И съ ними любезность и разумъ ростутъ:
Привѣтливы, милы, ко всѣмъ хороши,
И всѣхъ они любятъ, и любятъ ихъ всѣ!
И всѣ къ нимъ: „ахъ! долго ль намъ съ вами пожить?
„О милые братья! Останьтесь у насъ!“
И дѣти въ отвѣтъ за любовь, за привѣтъ:
„Мы рады, мы любимъ душою вашъ край;
Но мы вѣдь *нездѣшніе*, — мы съ чужой стороны —
Сего дня, иль завтра, за нами пришлютъ —
Не знаемъ откуда? — Но знаемъ, что насъ
Отецъ ожидаетъ въ иной сторонѣ....“
И вотъ ужь имъ чужды забавы — и все,
Что прелесть, что счастье безоблачныхъ лѣтъ:
Печальные гости у жизни младой,
Какъ будто чужіе въ семействѣ людей!
И вотъ одиноки, особясь, въ тиши,

Украдкою слезы прощальныя льютъ
И пристально смотрятъ на синюю даль,
И слушаютъ, — будто имъ кто-то шепнулъ
О близкомъ отъѣздѣ унылую вѣсть....
И близокъ былъ, близокъ отъѣздъ роковой!
Однажды, съ разсвѣтомъ прекраснаго дня,
Ихъ видѣли бодрыхъ; играла въ нихъ жизнь,
Играла, кипѣла веселая кровь....
Но къ вечеру тише и тише, и вотъ
Лежатъ, какъ волшебнымъ окованы сномъ,
Съ улыбкой надежды на блѣдныхъ устахъ.
За *ними пріѣхали*.... Почившихъ везутъ....
Ахъ! горько заплакали о милыхъ друзья!
Идутъ, провожаютъ.... „Куда вы отъ насъ?“
Зовутъ безотвѣтныхъ.... Но голосъ къ нимъ былъ:
„Они вѣдь *нездѣшніе*! Вы знали про то;
„Остаться ль имъ вѣчно въ чужой сторонѣ?
„Нѣтъ! мило Отцу ихъ въ объятія взять:
„Имъ путь не далекій, покоитъ ихъ сонъ,
„И скоро *для* счастья, *для* вѣчныхъ утѣхъ
„Въ дому у *роднаго* проснутся они.“

VI.

СИРОТА НА ЧУЖБИНѢ.

Сирота выросталъ на чужой сторонѣ,
И вмѣстѣ съ нимъ воля росла. И кому
Сироту на чужой сторонѣ остеречь?
Онъ самъ себѣ старшій, самъ воленъ во всемъ!
А бѣдное сердце кому сберегать?
Оно ужь проснулось! тоскуетъ — и вотъ
Забилось сильнѣе.... и юноша сталъ,
Какъ *новый*, и самъ непонятенъ себѣ:
Какъ рой, зашумѣли живыя мечты,
И ласково вьются надежды къ душѣ,
И прежней прохлады не стало въ груди!
Спокойные взоры желаньемъ зажглись,
И слышны порывы страстей молодыхъ;
И вихремъ по жиламъ горячая кровь!
И вотъ на *распутьи* стоитъ сирота!
Тутъ жизнь молодая, съ улыбкой, его
На пиръ зазываетъ.... Открытъ ему міръ:
И вѣетъ и дышетъ любовью весна;
Кипитъ наслажденье на юной землѣ;
Но свѣтлы, спокойны надъ нимъ небеса,

И тихъ благодатный, привѣтный ихъ видъ,
И кажется, что-то душѣ молодой
Они обѣщаютъ. . . . Но буря страстей
Взвилась и затмила сіянье небесъ —
И неба не стало для юноши. . . . Весь
Онъ земной и въ *земномъ* его цѣль бытія.
И жаждущій чашу утѣхъ осушить
Онъ любитъ съ толпою друзей молодыхъ
И въ милой бесѣдѣ лукавыхъ Сиренъ,
Напѣнивать кубокъ кипящимъ виномъ,
И, чашею часто о чашу стуча,
Крылатую радость ловить на лету!
Онъ пылокъ, онъ бѣшенъ въ желаньяхъ своихъ;
И, дикимъ восторгомъ и блескомъ очей,
Въ смятенье приводитъ стыдливость. И дѣвъ
Ланиты невольнымъ румянцемъ горятъ!
,,Пируйте, о други! доколѣ въ насъ кровь
Кипитъ, какъ златое въ фіялахъ вино:
Нѣтъ жизни за гробомъ. . . . Пируйте, друзья!"
Такъ было. . . . Но скоро онъ сталъ измѣнять
Зазывамъ въ бесѣды веселыхъ друзей
И ласкамъ красавицъ. . . . и сталъ онъ *иной*.
За нимъ примѣчаютъ, его стерегутъ
И видятъ однажды, въ ночной тишинѣ,
Безоблачный мѣсяцъ, плывя въ небесахъ,
Кого-то, казалось, ведетъ къ сиротѣ.
И то была дѣва, какъ пальма стройна:
Въ ней все незнакомо и чудно въ ней все!

Не стелется зелень, трава и цвѣты
Не гнутся, подъ легкою дѣвы стопой,
И шороху нѣтъ отъ шаговъ; и за ней,
О чудо! не видно и *тѣни* ея!
Но вся она прелесть и вся красота:
Сіяетъ, какъ радость, младое лице
И что-то привѣтное шепчутъ уста
И ласковы взоры очей голубыхъ!
Предъ ней, въ упоеньи, безмолвный стоитъ:
Онъ съ гостьи прелестной не сводитъ очей,
И ею лишь дышетъ и ею живетъ,
И черпаетъ радость въ бесѣдѣ святой.
Слова ихъ не слышны, но часто *она*
На свѣтлыя звѣзды съ любовью глядитъ,
Какъ будто о небѣ бесѣдуя съ нимъ.
Такъ было; но только зажглася заря
И вспыхнулъ, на темномъ Востокѣ, разсвѣтъ,
И мѣсяцъ, скатившись за горы, погасъ;
За мѣсяцемъ тихо, нагорной стезей,
Нездѣшняя гостья ушла! И никто
Не зналъ и не знаетъ откуда *она?*
И все измѣнилось въ душѣ *сироты:*
Все тихо, какъ въ небѣ, въ сей бурной душѣ!
Онъ тайну рожденья узналъ своего
И вѣсти услышалъ о той сторонѣ,
Гдѣ ждетъ его скоро *иная судьба!*
Ужь болѣ не гость онъ на шумныхъ пирахъ,
Не братъ, по забавамъ, счастливцевъ младыхъ:

Онъ выше земнова.... И мило ему,
Въ тиши, одинокимъ, смотрѣть въ небеса,
И душу высокою думой питать.
Такъ было.... Но скоро не стало *его!*
Нагорнымъ путемъ онъ ушелъ — и съ тѣхъ поръ,
Его не видали!... Не знали о немъ,
Откуда и кто онъ? Но только былъ слухъ,
Что славнаго рода потомокъ онъ былъ;
Что кто-то, какъ слышно, изъ предковъ его
На дальнемъ *Востокѣ*, въ родномъ ихъ краю,
Былъ первымъ любимцемъ и другомъ Царя.
Но вскорѣ, несчастный! высокой судьбѣ
Своей измѣнилъ! — Онъ изгнанъ — и Царь
Во гнѣвѣ великомъ завѣтъ положилъ
На весь его родъ и на племя.... Завѣтъ:
Сиротами скитаться, въ чужихъ сторонахъ,
Отъ родины милой далеко.... Когда жъ
Узнаетъ изъ нихъ кто о прежнемъ быломъ,
Провѣдаетъ тайну природы своей,
Постигнетъ, полюбитъ *высокій свой санъ;*
И тайною грустью душа заболитъ,
И станетъ проситься къ родной сторонѣ:
Онъ тотъ-часъ, могущимъ велѣньемъ Царя,
На прежнюю степень величья взойдетъ
И, радость! узнаетъ въ Монархѣ — *Отца!*

VII.

КЪ РУЧЬЮ.

Ручей, сосѣдъ мой милый,
Любимый сынъ весны!
О чемъ грустишь и стонешь
Въ часъ общей тишины?
Денница ль молодая
Румянитъ твой кристаллъ,
Иль звѣзды золотыя,
Глядятся въ твой потокъ;
Ты все журчишь печально....
О чемъ же, другъ! грустишь?...
—„Ахъ! какъ мнѣ — отвѣчаешь,
„На рокъ мой не роптать!
„Кто я? *отколь?* — не знаю!
„Безвѣстенъ жребій мой!
„Не вѣдаю, *откуда*
„Я въ міръ явился сей,
„*За чѣмъ*, куда такъ быстро
„Несусь изъ дальнихъ мѣстъ?
„Не знаю! — И въ незнаньи
„Невольно я грущу.

„Я зрѣлъ, въ моемъ теченьи,
„Въ безмолвіи пустынь,
„Истлѣвшія дубравы,
„Развалины градовъ. . . .
„И тлѣнность на гранитахъ
„Законъ писала свой:
— „*Всему предѣлъ положенъ*,
„Все гибнетъ подъ луной!
„Законъ сей непреложенъ,
„Я вѣдаю; — и кто жъ,
„Кто грустнаго утѣшитъ?
„Кто скажетъ мнѣ, *куда*
„Влекусь безвѣстной силой,
„И кѣмъ, и для чего?
„Чья мочь меня взносила
„На грозны высоты?
„Чья сила низвергала
„Съ высотъ въ глубокій ровъ,
„И гдѣ и скоро ль бѣгъ мой
„Прервется наконецъ?
„Конецъ!.... Меня смущаетъ
„И мысль одна о немъ,
„Погибну ль я на вѣки
„Во глубинѣ песковъ,
„Или *путемъ подземнымъ*
„На новые луга
„Прольюсь въ волнахъ веселыхъ?. . .
„Увижу ль я опять,

„И утро молодое
„И милую зарю,
„Иль вѣчную могилу
„Готовитъ мнѣ земля?“
— Оставь свои сомнѣнья,
Ручей, печальный другъ!
Не можешъ быть загадкой
Твое теченье намъ;
Мы — *люди* — видимъ ясно,
Твой бѣгъ, твою судьбу,
И самъ я видѣлъ горы,
Гдѣ колыбель твоя;
И знаю ту долину,
Гдѣ бѣгъ окончишь свой....
Но вѣрь мнѣ, не изчезнешь
И *въ устьѣ* ты своемъ:
Изъ пропасти подземной,
Въ веселые луга,
Счастливецъ! ты польешься
Съ волнами свѣтлыхъ рѣкъ.
Теки, — не сумнѣвайся!
Святой храня законъ,
Чтобъ течь на пользу ближнимъ
Долинамъ и садамъ.
Замолкъ ручей; — но ропотъ
Послышалъ я въ груди:
И грустно стало сердцу,
И духъ смутился мой,

И мнѣ какъ будто *кто-то*
Невидимо шепнулъ:
— „И жизнь твоя не есть ли
Таинственный ручей?
Ты въ бурѣ дней несешься
Какъ токъ съ гранитныхъ скалъ....
Отколѣ ты, пришелецъ?
Куда отсель пойдешь?
Уже ли за могилой,
Всему.... всему конецъ?...
Такъ мыслилъ я унылой,
Въ волненіи души.
Но вдругъ послышалъ шорохъ
Незримыхъ легкихъ крылъ:
И что-то свѣтлой тѣнью
Мелькнуло близъ меня,
Повѣяло блаженствомъ
Въ тоскующую грудь
И голосомъ сладчайшимъ
Дыханья юныхъ розъ
Мнѣ въ сердце прошептало:
— „О, слабый человѣкъ!
Краснѣй! стыдись сумнѣнья,
И твердо уповай
На мудрость Провидѣнья!
Когда его перстомъ
И путь ручью простому..
Начертанъ на землѣ:

— То можешь ли подумать,
Чтобъ былъ забытъ имъ ты?...
Вы путь ручья *отселѣ*,
Мы смертныхъ жизни путь
Оттолѣ видимъ ясно....
И ты, ручей *живой*,
Теки — не прилѣпляясь
Къ цвѣтущимъ берегамъ!
Теки не ужасаясь
Ни терній, ни стремнинъ!
Не бойся бурь житейскихъ,
Храня святой законъ,
Чтобъ течь на пользу ближнихъ
И жить для ихъ добра.
Ручей равно питаетъ
И гордые древа,
И розу молодую,
И колкій тернъ сѣдой....
И даже самымъ камнямъ
И каменнымъ скаламъ,
Ласкаясь къ нимъ съ любовью,
Полезнымъ хочетъ быть.
И въ часъ кипящій зноя
Прохладой плещетъ имъ.
Его учась примѣромъ,
И *недругамъ своимъ*,
Какъ искреннимъ и ближнимъ,
Равно твори добро.

Теки, не сумнѣвайся:
Есть Око надъ тобой;
И вѣдаетъ и мѣритъ
Оно твой путь земной....
Теки, сквозь бури жизни,
Какъ *кроткая звѣзда*
И сквозь печальны тучи,
Ліющая свой свѣтъ....
Для пользъ, для счастья ближнихъ
Теки, живой ручей!
И скоро чрезъ могилу
Въ небесныя поля
Прольешься въ полномъ блескѣ
Въ безвѣстный, новый міръ!

VIII.

ОТЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Что тебѣ надобно,
Милая птичка?
За чѣмъ торопливо такъ,
Все далѣе. . . . Далѣе. . . .
Куда пролетаешь ты?
Куда ты спѣшишь?
И что тебѣ надобно,
Гостья весны? —

„Я не жилица здѣсь,
„Я не для васъ:
„Я здѣсь залетная
„Гостья на часъ!
„Все, что мнѣ надобно,
„Есть у меня!
„Два, да три зернушка,
„Я и сыта!
„Свѣжая вѣточка —
„Вотъ и пріютъ!
„Было бъ гдѣ только мнѣ

„Въ бурной ночи
„Смирно прижавшися
„Къ вѣткѣ, уснуть!
„Былобъ гдѣ только мнѣ
„Тихой разсвѣтъ,
„Зорю румяную
„Громко воспѣть!
„Гдѣ жъ я вечернюю
„Зарю повстрѣчаю,
„Близко ль, далеко ли
„Сама я не знаю!"

За чѣмъ же въ незнаніи
Ни кѣмъ невѣдомая,
За чѣмъ увлекаешься
Въ долины далекія,
Въ поля неизвѣстныя? —

„Ахъ, тамъ въ неизвѣстности
„Мнѣ чудится счастіе?...
„Кто-то такъ сладко
„Все меня кличетъ
„Въ рощу, изъ рощи?....
„Кто зазываетъ такъ,
„Кто такъ манитъ?
„Кто напѣваетъ мнѣ,
„Кто мнѣ сулитъ,
„Радости вѣчныя

„Вѣчной весны
„Въ краѣ нездѣшнемъ
„Далекомъ? туда,
„Туда все лечу я
„За тайнымъ зазывомъ,
„За милой приманкой. . . .
„Не спрашивай: гдѣ онъ,
„Мой край неизвѣстный!
„Не знаю — но вѣрю!
„Что будетъ, то будетъ!
„Я все полечу
„За гласомъ знакомымъ
„Въ незнаемый край!. . . .
„Кто небо разкинулъ
„Высокимъ шатромъ,
„Кто звѣзды поставилъ,
„Кто солнце зажегъ;
„Кто рѣки уводитъ
„Къ далекимъ морямъ,
„Тотъ вѣрно и птичку
„Проводитъ. . . . Онъ милъ мнѣ,
„Невѣдомый край!
„Что будетъ, то будетъ,
„Я все полечу
„За гласомъ знакомымъ
„Въ незнаемый край!“

IX.

КЪ ДУШѢ.

Душа моя странница!
Не здѣшняя гостья ты!
И, чуждая въ мірѣ семъ,
Къ чему здѣсь прилепишься
И чѣмъ очаруешься?
Ты птичка отлетная!
Порхая по радостямъ
И, силъ не теряючи,
Подъ тернами горести,
Летишь ты все далѣе
По гласу призывному....
Изъ пропасти черныя
Безвѣрія дикаго
Высоко подъемлются
Туманы сомнѣнія;
Но ты облетаешь ихъ,
И въ свѣтѣ негаснущемъ
Цвѣтешь какъ безсмертная!
Отдайся безвѣстному,
Влеченію тайному

Лети съ упованіемъ. . . .
И, гостья минутная,
Земли сей мятежныя,
Не медли за счастьемъ здѣсь;
Въ земномъ не найдешь его!
И счастье и радости
Въ небесномъ скрываются.
Ахъ! странница сирая,
Ни съ кѣмъ не родная здѣсь,
Тутъ все тебѣ пагуба:
Тутъ страсти условились,
Ловить тебя бѣдную,
И свѣжими розами
Одѣли, украсили
Пещеру змѣиную
Порока лукаваго;
И вотъ онъ, сверкаючи
Кинжаломъ и взорами,
Ждетъ добычи. . . . Бѣдная!
Лети, воспѣваючи
Хвалы Провидѣнію,
Хранителю тайному,
Туда — изъ цѣпей земныхъ
Въ отечество милое,
Въ объятія Вѣчнаго! . . .

X.

ГОСТЬЯ НЕНАДОЛГО.

(Къ Доридѣ.)

Дорида! ты свѣжа, какъ молодой цвѣтокъ;
Твой станъ, какъ стебель розы гибкой:
Какъ ты мила своею дѣтскою улыбкой,
Легка, какъ на лугахъ душистый вѣтерокъ.
Волшебница! кругомъ тебя очарованье!
Онъ сладокъ мнѣ, какъ жизнь, съ тобой свиданья часъ!
И груди молодой, подъ дымкой, трепетанье
И тихій свѣтъ прекрасныхъ глазъ
(Въ нихъ *что*-то милое, небесное свѣтлѣетъ)
И русые власы. . . . и все въ тебѣ краса!
Но предъ тобой желанье цѣпенѣетъ,
И страсть къ тебѣ чиста, какъ небеса.
Моя душа твою, Дорида! душу слышитъ:
О другъ земной! въ тебѣ небесный Ангелъ дышетъ;
Онъ прилетѣлъ съ надзвѣздной вышины
И, притаясь, живетъ подъ тлѣнной пеленою.
И отъ тебя, какъ отъ младой весны,
Мнѣ вѣетъ нѣгой неземною. . . .

Но, милый другъ! мнѣ въ мысль приходитъ иногда,
Что на землѣ небесное непрочно,
Что ты у насъ, какъ будто ненарочно,
И что зовутъ тебя — *туда!*...

XI.

ФІЯЛКА.

За чѣмъ такъ рано блекнешь
Ты, первенецъ весны,
Прекрасная фіялка!
Мнѣ грустно за тебя!
О, какъ неправо небо!
За чѣмъ оно даритъ
Красавицу долины
Минутнымъ бытіемъ?
Жестокое!... „Какъ смѣешь
Ты небо обвинять?....
Его дары святые
Осыпали меня!
На зовъ его привѣтный
Не я ли разцвѣла,
И, гостья молодая
На праздникѣ весны,
Росла и красовалась
Въ тѣни душистыхъ липъ?
Не мнѣ ль сосѣдъ игривой
Серебряный ручей?

Въ его кристальномъ токѣ
Видала я зарю,
Когда она, какъ роза,
Алѣла въ небесахъ.
И звѣзды золотыя
И свѣтлая луна
Съ любовью навѣщали
Меня въ моей тиши;
И я пила блаженство
Изъ солнечныхъ лучей!
Ахъ! я была вся радость,
Когда сходилъ ко мнѣ,
Какъ другъ, прохладный вечеръ
Съ небесною росой!
Чего жъ еще мнѣ болѣ?
Со мною все сбылось:
Жила, благоухала,
И жизни цѣль узнала,
И вотъ пришла пора
Проститься съ милой жизнью
И тихо опочить!
Пора! они ужь гаснутъ
Златые лѣта дни. . . .
Такъ чтожъ? шумите съ неба,
Осенніе дожди!
Дохни суровымъ хладомъ,
Свирѣпая зима!
Я знаю, въ томъ же небѣ

У Бога есть *весна*:
Она повѣетъ жизнью,
И — я опять проснусь!

XII.

ГЕНІЙ.

Нарисуй мнѣ Генія
Блѣднаго, унылаго,
И съ челомъ развѣнчаннымъ.
Вижу, плачетъ Геній твой,
Преклоненный на руку,
И златые волосы
Въ локонахъ разсыпаны;
Все кругомъ — молчаніе!
На небѣ ни звѣздочки!
И погашенъ пламенникъ
Бурею пустынною.
Нарисуй богиню мнѣ,
Нарисуй волшебницу
Рѣзвую, прелестную:
Дай ты ей лазурныя
Крылья мотыльковыя,
И одежду бѣлую
Изъ тумановъ утреннихъ;
Подари ей алую
Розу, вѣчно-юную

Пусть твоя волшебница,
Иль богиня милая,
Какъ богиня призраковъ,
Свѣтлая фантазія,
Въ разныхъ дивныхъ образахъ
Въ мірѣ появляется:
То вечерней звѣздочкой
Вспыхнетъ въ дальнемъ сумракѣ
Надъ пустыней дикою:
То, знакомымъ голосомъ,
Кличетъ утомленнаго...
То, за темной рощею,
Въ часъ полудня знойнаго,
Зажурчитъ и по полю
Побѣжитъ, сверкаючи...
То за синей тучею
Свѣжимъ блескомъ радуги
Свѣтитъ, улыбаючись...
То быстрѣе молніи
Возлетаетъ на горы
И блистаетъ дѣвою
Стройной, величавою,
И зоветъ унылаго
Голосомъ и знаками,
По пути тернистому,
Въ новый край невѣдомый
Къ людямъ, — въ даль туманную,
Въ области кипящія

Жизнью и заботами...
Кто же, другъ мой, Геній твой?
Какъ назвать безвѣстнаго?
Отгадай, придумай ты;
А твою богиню я
Назову — *надеждою*.

XIII.

ТРИ РОЗЫ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Посреди пустынь унылыхъ,
Гдѣ сердитый токъ шумитъ,
Три цвѣтка, три розы милыхъ
Безпріютный странникъ зритъ.

„Розы! розы! даръ небесный!
Вы пустыни жизнь и свѣтъ!
И красавицамъ прелестнымъ
Онъ и сердце и обѣтъ!

„Здѣсь, сказалъ онъ, въ дикомъ мірѣ,
Плѣнникъ вашей красоты,
Пропою весь вѣкъ на лирѣ,
Славя дружбу и мечты. . .

Грозной цѣпью горъ стѣсненный,
Пусть не зрю полей и нивъ:
Здѣсь, въ безпечности, блаженный
Съ вами другъ вашъ — и счастливъ!“

Что же смертнаго желанья?
Что мольбы, что счастья лучь?
Сны крылаты, тѣнь, мечтанья,
Блескъ огней подъ мракомъ тучь!

Буря съ сѣвера завыла,
Зашаталися лѣса;
Ночь пустыню обложила;
Темны, страшны небеса.

Изъ за горъ уединенный
Мѣсяцъ красный въ тучи вплылъ;
Вѣтеръ, плѣнникъ скалъ стѣсненный,
Застоналъ и боръ завылъ!

Что же вы, младыя розы?
Странникъ, слыша бурей стонъ,
Не боится бурь угрозы:
Съ вами, вами счастливъ онъ.

Но ужасное мгновенье!
Вихрь летитъ и розу рветъ:
Вотъ другое дуновенье
И другой, и третей нѣтъ!

Вотъ онѣ въ волнахъ суровыхъ...
„— Стой ручей! отдай мнѣ ихъ;
Гдѣ цвѣтовъ искать мнѣ новыхъ?
Тонетъ счастье дней моихъ!"

Такъ, познавъ сей жизни грозы,
Бѣденъ, сиръ и одинокъ,
Такъ и я хотѣлъ три розы
Вплесть въ мой терновый вѣнокъ.

Всѣхъ алѣя — *роза-радость*,
Всѣхъ милѣй была *любовь*
И надежда, жизни сладость!. . .
Долго ль зрѣлъ сихъ блескъ цвѣтовъ?

Притекли мятежны лѣта:
Радость — вихрь страстей унесъ!
Вотъ любовь, — въ пустыняхъ свѣта
Роза жизни, даръ небесъ. . . .

Я мечталъ, — но все минуло:
Радость, счастье и любовь;
Все въ прошедшемъ потонуло. . .
Будь надежда, мой покровъ!

Если жъ вырвутъ и надежды
Бури жизни у меня:
Смерть! сомкни тогда мнѣ вѣжды
И возьми, земля, меня!

XIV.

ПРУДЪ и КАПЛЯ.

(Апологъ.)

Заглохшій осокой и весь, какъ паутиной,
Подернутый зеленой тиной,
Дремалъ лѣнивый прудъ. Въ звѣздахъ лазурный сводъ;
Но жалкій онъ слѣпецъ, не видитъ звѣздъ мерцанья;
Ни ласковой луны привѣтнаго сіянья.
И долго было такъ, но вотъ
Наскучилъ онъ сносить свѣтилъ пренебреженье;
И, потерявъ послѣднее терпѣнье,
Языкомъ водъ заговорилъ,
И близкую свою сосѣдку онъ спросилъ: —
Сосѣдку капельку, что на листокъ упала
И ясной звѣздочкой, качаяся, сверкала —
„Что за счастливица ты, капелька, у насъ?
Такъ свѣтишь, такъ блестишь, ну словно какъ алмазъ!
Тебѣ и солнце угождаетъ:
Вотъ, сжавшись все, въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ сіяетъ!
По солнцу ль зеркало! — Я саженъ пять въ длину,
Да три, а можетъ быть и больше, въ ширину;

Однако жъ все во мнѣ не видны горни своды:
И хоть бы разъ луна въ мои взглянула воды!
Скажи, пожалуста, любимица свѣтилъ!
За что же я имъ такъ не милъ?"
А капелька въ отвѣтъ: „давно я это вижу,
Сказала бъ, да боюсь: я, можетъ быть, обижу!"
„О, нѣтъ!" — „Такъ слушай же: причина
тутъ проста:
Ты засоренъ — а я — *чиста!*"

XV.

ВИХРЬ и ЗЕФИРЪ.

(Апологъ.)

„Смотрите!“ вопитъ вихрь, взвивая прахъ летучій,
„Я все, что захочу,
Сорву, развѣю, размечу!
На свистъ мой прилетятъ послушныя мнѣ тучи;
Я въ полдень солнце заслоню,
И пыль столбомъ чрезъ степь и горы погоню. . . .
Какъ я силенъ! Съ какой вездѣ являюсь славой:
Шатаю лѣсъ, трясу дубравой —
Дохну — и лоскомъ рядъ дубовъ!
А ты? Что можешь ты безсильный сынъ луговъ?“
Такъ вихорь укорялъ зефира.
„А я — усердный другъ и тишины и мира,
Я только радую — тобой смущенный міръ!“
Въ отвѣтъ суровому привѣтливый зефиръ:
„Лаская лугъ младой и древнюю дубраву,
Я въ томъ мою лишь вижу славу,
Чтобъ въ полдень подышать на липовой лѣсокъ,
По рощѣ пробѣжать струею ароматной;
Повѣять жизнью благодатной

На увядающій въ глухихъ степяхъ цвѣтокъ
И весело потомъ играть подъ небесами. . . .“
Кто жь вихорь? Кто зефиръ? Друзья, узнайте
сами!

XVI.

Г Р О З А.

(Идилія.)

Въ укромной хижинѣ отдыхаетъ старецъ-дѣдъ; а молодой внукъ его смотритъ на дѣйствіе грозы и разсказываетъ по своему, что видитъ.

Внукъ, (отпирая окно.)

Дѣдушка, буря встаетъ! Небо, какъ ночь, почернѣло!
Тамъ, надъ за́мкомъ высокимъ, сходятся синія тучи....
Дѣдушка! Красныя длинныя молніи блещутъ, сверкаютъ
Ярко. И, вотъ, посмотри: зашатались старые дубы.
Вонъ, изъ кровель листы, какъ соломенки, рветъ и уноситъ;
Вѣсу въ желѣзѣ не стало! Буря сильнѣе, сильнѣе.
Дѣдушка — свѣтъ! Посмотри-ка — рухнула черная башня!

Дѣдъ.

Что намъ до башенъ, дружёкъ мой! Что намъ до тучь и бури?
Буря — гибель за́мкамъ.... Что ей у насъ? — Не велика
Хижинка наша.... Смотри: вѣдь она подъ горою, въ долинѣ,
Смирно, прижавшись, сидитъ въ уголкѣ — и не видно уютной!...
Бури, громы — все мимо!... Пусть себѣ ссорятся съ ними
Дубы спѣсивые, Княжескихъ за́мковъ верхи съ позолотой!...
Много тамъ золота, другъ! и грѣховъ, говорятъ, у нихъ много!...

Внукъ.

Дѣдушка, страшно мнѣ! страшно! Гроза разгорѣлась; все небо
Пышетъ! А тамъ, посмотри-ка, голубчикъ! надъ за́мкомъ — туча
Сжавшись, повисла, какъ коршунъ.... Охъ быть тутъ бѣдѣ и великой!...

Дѣдъ.

Полно, молися, дитя!... Грозы ты не бойся! — Гроза вѣдь

Праздникъ небесный!... Злодѣй отъ грозы и дрожитъ и блѣднѣетъ:
Доброму жь чистая *совѣсть* привѣтливо шепчетъ: „небойся!“

Внукъ.

Батюшка, дѣдушка! Вонъ загорѣлись и за́мокъ и стѣны....
У!... какъ столпомъ поднялось, изъ-за дыму, багровое пламя!
Вотъ — бѣгутъ.... кричатъ!... тѣни, все тѣни мелькаютъ....

Дѣдъ.

Божій судъ, дитя!... Вѣдь въ за́мкѣ томъ много и много
Было грѣховъ!...“ Успокоилась буря; — веселое небо
Стадо на лугъ вызывало; развалины за́мка курились....
Хижина жь все какъ была! и кругомъ ее птички щебечутъ.

XVII.

НОЧНОЙ СТРАХЪ.

За чѣмъ ты огненныя очи
Такъ пристально уставилъ на меня?
О, сынъ таинственныя ночи!...
Иди въ чертоги къ богачамъ,
Гдѣ мягкій пухъ лелѣетъ нѣгу;
Иди пугать рабовъ порока и страстей,
Слѣпыхъ сыновъ — слѣпой фортуны....
Давай, грозя мечтой, урокъ смиренья тамъ!
Но не ходи въ мое уединенье!
Мнѣ послѣ дневныхъ скукъ, за смутное волненье,
Какъ сладокъ безмятежный часъ!
Бѣги отъ моего непосланнаго ложа
Гдѣ жесткость такъ мягка спокойному душой!
Оставь со мной мою младую музу,
Въ душистомъ розовомъ вѣнкѣ,
Пускай она, возвышеннымъ языкомъ,
На звѣзды ясныя вперяя свѣтлый взоръ,
Поетъ о радостяхъ нездѣшнія отчизны....
Оставь со мной моихъ гостей:

Пускай любовь — сомкнетъ усталы вѣжды;
Пускай веселыя надежды,
Мечтаній легкокрылыхъ рой,
Осыплютъ соннаго и лаской и цвѣтами,
Доколь малиновка засвищетъ за кустами
И встанетъ солнце за горой!

XVIII.

ТАЙНАЯ ВѢСТЬ.

Была весна, и рощи только
Одѣлись зеленью младой,
Еще не разкрывались розы;
Но запахъ сѣверной берёзы
Какъ дымъ кадилъ благоухалъ;
Туманы землю пеленали
И Ангелъ ночи зажигалъ
Надъ ней небесныя лампады, —
И сѣялъ перлы по лугамъ. . . .
Я полонъ былъ святова чувства,
Ему въ земномъ названья нѣтъ!
Вдругъ *что-то* свѣжестью дохнуло!
Какъ-будто *кто* махнулъ крыломъ!
Кто подлетѣлъ, незримый, къ сердцу?
И стала грудь моя тѣсна,
Какъ передъ лѣтнею грозою!
Кто тамъ, крылатая, за мною?
Но все изчезло, какъ мечта!

И небо, все какъ прежде, ясно;
Какъ прежде, ясны озера;
Но чувство темной, смутной грусти
Глубоко въ сердцѣ залегло.
И кто-то шепчетъ мнѣ уныло:
„Ее ужь нѣтъ! — Ее ужь нѣтъ!“
И болѣе не стало милой!
Она была у насъ на мигъ!
И торопилася въ отчизну.
Гдѣ ты, о Юлія! теперь? —
Но вотъ она, какъ гостья неба,
На ясныхъ радужныхъ поляхъ
Гуляетъ съ Сильфами младыми
И о землѣ имъ говоритъ....
О! дочь прекрасныя Тавриды!
Тебя лелѣялъ тихій Югъ.
А я на Сѣверѣ унылом,
Одной тобою веселъ былъ!
И это ты меня коснулась,
Когда летѣла въ небеса!
Исчезло дальнее пространство
И я восторженной душой
Твою, на мигъ, послышалъ душу!...

XIX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НЕВОЗВРАТИМОЙ.

Весна моихъ воскресла лѣтъ;
Играютъ чувства, вѣетъ радость
И новой жизнію цвѣтетъ
Моя тоскующая младость!
Затихнулъ шумъ моихъ тревогъ
И вся душа моя — восторгъ!
Она — сей гость, давно бывалой —
Какъ прежде, въ грудь ко мнѣ идетъ;
Но, ахъ! тамъ прежняго не стало:
Того ужь сердца не найдетъ!
Всѣ бури жизни въ немъ кипѣли
И дымный огнь страстей пылалъ,
И тамъ пороки свирѣпѣли,
Гдѣ свѣтлый тронъ ея стоялъ!
Приди жь мой гость, издавна милый,
Мой добрый Ангелъ прежнихъ дней,
И оживи мой духъ унылый
Небесной ласкою своей!

Увы! Съ тѣхъ поръ, какъ былъ съ тобою,
Ужь сталъ и самъ я не собою....
Все въ жертву людямъ и судьбѣ!
Одна свѣтла осталась совѣсть.
Пусть сердце грустное тебѣ
Само свою разскажетъ повѣсть: —
Мечты разсѣялись, какъ дымъ;
Отъ слезъ отяжелѣли вѣжды
И не сбылись мои надежды!
Какъ много лѣтамъ молодымъ
Онѣ хорошаго сулили!
Какъ сладко съ сердцемъ говорили!
Но сладость та была — обманъ!
Съ тобою все мое сокрылось,
Какъ солнце въ горы закатилось,
И на душѣ лежитъ туманъ....
Но ты идешь.... Душа свѣтлѣетъ
И все весною жизни вѣетъ!
Съ тобою твой волшебный міръ
Ко мнѣ такъ сладостно тѣснится,
Какъ будто небо въ грудь ложится!
Я пью за-облачный эѳиръ...
Людской измученную злостью
Ты душу зазовешь, какъ гостью,
На свой великолѣпный пиръ.
На мигъ обласканный тобою,
Ужь примирился я съ судьбою!

Весна моихъ воскресла лѣтъ;
Играютъ чувства, вѣетъ радость
И новой жизнію цвѣтетъ
Моя тоскующая младость!

XX.

УСЛАДОВА ЛИРА.

(Баллада.)

Вѣрна была Усладу лира
Въ его тиши;
Онъ промѣнялъ всѣ блески міра
На миръ души!
Онъ не позорилъ чистой лиры
И, лести врагъ,
Предъ вами, грозные кумиры,
Не падалъ въ прахъ!
Но растерзавъ земныя узы,
Къ звѣздамъ летѣлъ;
И, пылкой другъ свободной музы,
Онъ сладко пѣлъ:
Великолѣпную природу
И дивный свѣтъ,
Души высокую свободу
И былъ Поэтъ!
И добродѣтель въ пѣсняхъ громкихъ
Прославилъ онъ:
„Узнаютъ ли о нихъ потомки?
„Все въ мірѣ сонъ!

Такъ говорилъ не разъ унылой:
„Здѣсь все на часъ!“
И не допѣвши пѣсни, милой
Поэтъ угасъ!
Но весь не умеръ онъ, и *лира*
Еще стройна;
И только въ области эѳира
Взойдетъ луна
И струнъ дотронется лучами,
Дрожатъ онѣ —
И вспыхнетъ жизнь на нихъ — и сами
Поютъ однѣ!
Какъ прежде — все поютъ природу,
Добро поютъ;
И удивленному народу
Урокъ даютъ!
И лиру розами вѣнчали,
Дивяся ей,
И благовоннѣй розы стали,
Цвѣтя на ней!
И вотъ, кругомъ градовъ обломки,
Ихъ блескъ погасъ!
Но слышатъ все еще потомки
Той лиры гласъ!

XXI.

ПЕРЕМѢНА.

(Къ Глицеріи.)

Глицерія! твой другъ тебя не узнаетъ:
Что шепчешь, съ лаской, мнѣ привѣтными устами?
За чѣмъ кругомъ тебя ласкателей народъ!
Нѣтъ! ни твоя глава, увитая цвѣтами,
Ни въ сокѣ розъ потопленны власы,
Меня въ твои не завлекутъ оковы.
Гдѣ недоступныя твои красы?
Гдѣ скромный, свѣтлый взоръ, для дерзкаго суровый?
Гдѣ дѣлася души святая тишина,
Невинность милая, какъ счастье неземное?
Ты вся страстей и суеты полна!
Ахъ! гдѣ твое прекрасное былое?...
Какой преступный огнь горитъ теперь въ очахъ,
И свѣжая твоя куда дѣвалась младость,
Когда въ твоей душѣ, какъ другъ, гостила радость,
И тихая молитва на устахъ,
Какъ первое благоуханье розы?...
Мила улыбка намъ, блеснувшая сквозь слёзы:
Такъ прежде ты была, Глицерія, мила,
Когда младенческой невинностью цвѣла!

XXII.

СОГЛЯДАТАЙ.

(Молодому другу.)

Эдвинъ, выходишь ты изъ дѣтства
И я тебѣ, мой юный другъ,
Высокую открою тайну:
Но прежде съ клятвой обѣщай
О ней глубокое молчанье!
Эдвинъ, оставь свою безпечность
И зорко за собой смотри!
Мой другъ, сказать ли то, что знаю?
Но я хочу тебя спасти —
Узнай: въ путяхъ невѣрной жизни,
Гдѣ ты безпеченъ какъ дитя,
Ты ходишь не одинъ и всюду
Незримо смотрятъ за тобой!
И всѣ шаги твои считаютъ,
И вѣсятъ всѣ твои дѣла;
И нѣтъ уединенья въ мірѣ:
Гдѣ бъ ни былъ *ты другой* съ тобой;
Онъ зорокъ, невидимецъ тайный!
И не отступенъ онъ, какъ тѣнь!

Кудабъ ни шелъ ты, онъ, незримый,
Украдкой ходитъ за тобой.
Но не гони его — и вѣдай,
Что смотритъ онъ не для себя,
Не по своей онъ ходитъ волѣ:
Онъ посланъ... Не пугайся, другъ,
Когда невидимаго шорохъ
Въ тиши услышишь за собой:
И онъ умѣетъ быть привѣтнымъ
И душу сладостно ласкать!
Ахъ, грустно съ нимъ, Эдвинъ, разстаться
Что шагъ, то гибель безъ него!
О, юный другъ, его, къ несчастью,
Такъ скоро можно усыпить!
Но еслибъ зналъ ты, какъ ужасенъ
Онъ въ пробужденіи своемъ!
И такъ, не бойся: пусть онъ видитъ
Всѣ тайны сердца твоего:
Смѣлѣй, смѣлѣй въ дорогу жизни:
Не унывай!... Но не забудь,
Что не одинъ ты въ мірѣ ходишь,
И зоркой смотритъ за тобой!

XXIII.

МИНУТНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ.

Кто ты, прекрасный посѣтитель,
Какова міра тайный житель?
Ты веселъ, призракъ молодой,
Какъ свѣтлый мѣсяцъ надъ водой:
Я вижу образъ дѣвы чистой;
Она легка, какъ вѣтерокъ
И на челѣ ея душистой
Бѣлѣетъ розовой вѣнокъ!
Ты, миловидная, украдкой
Ко мнѣ, нежданная сошла;
И тонетъ сердце въ нѣгѣ сладкой
И вся душа моя свѣтла.
Уже ль забвенной лиры звуки,
Иль нестерпимы сердца муки
Тебя, мой гость, свели съ небесъ,
Къ моей ладьѣ въ пучинѣ зыбкой?
Но грусть снята твоей улыбкой
И мракъ съ души моей исчезъ.
Ты чистою своей рукою,
Зачерпнувъ жизни въ небесахъ,

Ко мнѣ, убитому тоскою,
Ко мнѣ, утопшему въ слезахъ,
Какъ лучь отъ ясныхъ звѣздъ, слетѣла:
И улыбалась мнѣ и пѣла....
И какъ тѣ пѣсни сладки мнѣ
О неизвѣстной сторонѣ!
Какія свѣжія долины
Я видѣлъ въ синей, дальной мглѣ,
Иль въ очарованномъ стеклѣ?
Твои волшебныя картины,
Какъ свѣтлой юности мечты:
Въ нихъ, полны жизнью, дышатъ розы,
Какъ перси юной красоты!
И какъ любви счастливой слезы
Горитъ жемчужная роса.
И голубыя небеса
Верхи лѣсовъ и горъ лобзаютъ....
Бывало часто налетаютъ
Къ моей довѣрчивой душѣ
Мечты о счастіи прекрасномъ,
Когда я въ сумракѣ ненастномъ
Дремалъ въ походномъ шалашѣ.
Ты, дѣва, золотить любила
Тѣ перелетныя мечты
И ласково съ чела сводила
Слѣды заботъ и суеты;
И проясняла видъ угрюмой,
Какой-то сладкой, тайной думой.

Съ любовью пылкой и святой
Лобзалъ я поясъ золотой
И бѣлую, какъ день, одежду.
Кто жь ты, привѣтная краса?
Твой домъ какія небеса? —
Но я узналъ въ тебѣ — *надежду*....
Ахъ! погости теперь со мной,
Какъ прежде съ юношей гостила,
Когда мнѣ вѣсти приносила
О сладкой жизни неземной!
Но тѣни ночи пролетѣли,
Свѣтила неба догорѣли,
Насталъ земной тревоги часъ —
И дѣва скрылася отъ глазъ.

XXIV.

МОИ ВОЖАТЫЯ.

Ко мнѣ прекрасныя дѣвицы,
Какъ гости, съ ласкою, пришли
И повели меня младыя
Съ собой въ зеленые луга.
Тогда весна ласкала землю,
Все пѣло радость, все цвѣло.
Ручьи какъ-будто говорили,
Шептали съ кѣмъ-то дерева;
Заря, какъ пламя, разгоралась
На дальней синевѣ небесъ,
И ароматный, теплый вечеръ
Меня кропилъ своей росой,
Какъ милая любви слезами.
Ходили долго мы въ лугахъ;
Все было ровно передъ нами.
Я не видалъ стремнинъ и горъ.

И привели меня дѣвицы
Въ палаты пышныя съ собой:

И сами бѣлыми руками
Мнѣ постилали мягкій одръ,
И сожигали ароматы
Кругомъ въ кадильницахъ златыхъ;
И подносили мнѣ въ покалахъ,
Какъ радость, свѣтлое вино;
И тихо милыя шептали:
„Усни, счастливецъ молодой!
„Будь вѣренъ намъ, мы будемъ долго
„Тебя лелѣять и беречь!“
И я уснулъ — и въ сновидѣньи,
Ни чѣмъ несвязанный, какъ мысль,
Лечу, несытый, въ поднебесной
Изъ Царства въ Царство — и вездѣ
Меня *ласкали*, *мнѣ сулили*
Богатство, счастье и покой,
И я, какъ гость въ пиру роскошномъ,
Изъ полной чаши радость пилъ
И таялъ въ нѣгѣ. . . . Вдругъ раздался
Летящей бури страшный свистъ,
Мнѣ показалось, своды неба
Упали съ трескомъ надо мной! —

И я проснулся! О превратность!
Еще не вѣрю я глазамъ. . .
Гдѣ вы, обманщицы младыя?
Гдѣ свѣтлый домъ, гдѣ пышный одръ,
Гдѣ сердцу милые обѣты? . . .

Все было сонъ — я на скалѣ,
Нависшей надъ пучиной черной,
Лежалъ, одинъ, въ глубокой мглѣ!
Ужасно море клокотало,
И яркой молніи бразды
Ночное разсѣкали небо,
И полосами, по волнамъ,
Какъ змѣи, съ свистомъ, пролетали. . . .

Какъ мразомъ стиснутый потокъ
Я цѣпенѣлъ. . . . Власы вздымались;
Въ стѣсненныхъ жилахъ стыла кровь
И замирала грудь. . . . но кто-то
Меня могущею рукой
Отвлекъ отъ пропасти кипящей,
Я сталъ свободенъ. . . . я спасенъ. . .
И онъ шепнулъ мнѣ, мой спаситель:
,,Слѣпецъ! ты надъ пучиной спалъ!
,,И ты погибъ — когда повѣришь
,,Еще *надеждамъ* и *мечтамъ!*"

XXV.

МОРЕ.

Душа томится въ вихряхъ свѣта;
Мнѣ душенъ воздухъ городской;
И я, оставя за собою
Заботы, пыль и тѣсноту,
Спѣшу на дикій берегъ моря —
На зовъ понятной мнѣ мечты...
Я вижу синее пространство
Въ его роскошной широтѣ;
И мнѣ повѣялъ вѣтеръ свѣжій,
Какъ-будто съ родины моей!
Златое солнце утопало
Въ волнахъ багряныхъ облаковъ,
И флаги алые ходили
Подъ дымнымъ синевомъ небесъ;
И я увидѣлъ, какъ знакомца,
Долину влаги голубой;
И необъятное пространство,
Такъ нравилось моей душѣ,
Какъ-будто что-то ей родное...
Не знаю.... или, можетъ быть,
И знаю.... но могу ль сказать
Языкомъ скуднымъ человѣковъ,

О томъ — чей дивный образъ намъ,
Необозримое пространство!
И почему къ себѣ всегда
Манитъ фантазію Поэта
Румянцемъ блещущая даль?...
Я слушалъ плескъ валовъ шумящихъ,
И въ безпредѣльность улеталъ:
Она была мнѣ, какъ свобода,
Когда она, въ волшебныхъ снахъ
Приснится узнику младому....
Я сладкой свѣжестью дыша,
Какъ-будто молодѣлъ душою;
И томность свѣтской суеты
Стряхнувъ съ себя, какъ пыль градскую,
Я весь, какъ обновленный сталъ!...
Но звѣзды вечера зажглися,
И съ легкой ношей сладкихъ чувствъ,
Я крался сквозь толпы народа,
Робѣя счастье обронить....
Ахъ, еслибъ въ шумѣ сихъ кипящихъ
Разщетовъ, выгодъ и страстей,
Гдѣ сохнетъ сердце, вянутъ чувства,
Ахъ, еслибъ вѣкъ я былъ такъ свѣжъ
И такъ въ восторгахъ безпредѣленъ,
Какъ ты, кого теперь пою,
Долина моря голубая!

XXVI.

ОТРАДА ЗЕМНОВА.

Сѣтьми ловителей уставлена земля:
Въ нихъ гибнетъ жизнь души и сладкая свобода;
Но ясны, какъ любовь, веселыя поля
Небесъ лазореваго свода...
Моя душа летитъ *туда*,
Душа, съ младенчества вскормленная тоскою,
Туда спѣшитъ искать высокаго покою,
Какъ птица въ тишину родимаго гнѣзда....
Ахъ! въ тѣ края ведетъ прекрасная дорога,
Чрезъ область свѣтлыхъ звѣздъ по розовымъ зарямъ....
И странница вездѣ, во всемъ находитъ Бога
И, какъ въ родимый домъ, вступаетъ въ тайный храмъ.
Оттоль, минутный гость, земнова житель,
Сходя въ сію долину слезъ,
Приноситъ въ бѣдную свою обитель
Богатство дивное съ небесъ:

Для сердца пылкаго священную прохладу;
И теплитъ въ тишинѣ украдкой отъ людей,
Подъ бурною грозой воюющихъ страстей,
Святымъ огнемъ зажженную лампаду....

XXVII.

КЪ НОЧИ.

Приди, о ночь! приди ко мнѣ
Какъ на условное свиданье;
Пусть гаснетъ пылкое страданье
Въ твоей прохладной тишинѣ!
Ты сизою своей одеждой
Окутавъ бѣдную постель
Уложишь спать меня съ надеждой....
Я сплю.... И тайная свирѣль
Играетъ гдѣ-то дивны звуки:
И не она ль манитъ мечты?
И не она ль отводитъ муки?
Кто васъ, воздушны красоты!
Въ пріютъ тоски моей сзываетъ?
Кто такъ природу украшаетъ
Въ моихъ заплаканныхъ глазахъ?
Какихъ небесъ я вижу своды?
Картины счастья и свободы,
Лимонъ и лавры на холмахъ....

Но шумъ вломился съ суетою
И прочь съ очей мечты и лѣнь.
Опять идетъ мой грустный день,
Съ своей несносной долготою!

XXVIII.

ВИДѢНІЕ въ ЛУНѢ.

Заря, алѣя, угасала
Вдали, мелькая сквозь лѣса;
И тихая вечерняя роса,
Какъ благодать, сошла и засіяла!
И день протекъ съ кипящей суетой.
Все ароматами и нѣгою дышало;
Но мнѣ чего-то все не доставало:
И я страдалъ — сердечной пустотой;
Вдругъ вся душа моя мятется и пылаетъ. . .
Ее зовутъ съ эѳирной вышины!
И вотъ прекрасный кругъ безоблачной луны!
Она изъ-за лѣсовъ, какъ лебедь выплываетъ,
И въ ней горятъ черты знакомой мнѣ красы:
Эльмира! это ты, въ своемъ жилищѣ новомъ!
Твои волнистые власы
Смѣшались съ голубымъ твоимъ покровомъ. . .
Задумчивая! что мнѣ скажешь ты безъ словъ!
Что скажутъ мнѣ твои уныло - хладны очи? . . .
Но ты скрываешься, какъ легкій призракъ ночи
Въ серебряномъ дыму летящихъ облаковъ!

XXIX.

СТАРЕЦЪ.

Окончивъ тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Онъ празднуетъ свою субботу
Въ спокойной совѣсти своей!

Онъ знаетъ счастія обѣты
И мракъ извибистыхъ дорогъ,
И что сулятъ кипящи лѣты
Въ мятежной области тревогъ.

Онъ отжилъ для подлунной жизни,
И часто въ дивныхъ, сладкихъ снахъ
Онъ видитъ прежній край отчизны
Въ какихъ-то дальнихъ сторонахъ.

Окончивъ тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Онъ празднуетъ свою субботу
Въ спокойной совѣсти своей!

XXX.

ДИТЯ, СПЯЩЕЕ во ВРЕМЯ ПОЖАРА.

Какъ мило ты, прелестное дитя!
Все рушится и страшно затрещало!
И небо заревомъ кровавымъ запылало.
И пламень, съ шумомъ охватя
Великолѣпныя колоны,
Дѣла временъ и рукъ — крушитъ!
Бѣгутъ. . . . Я слышу крикъ и стоны:
И жизнь и суета мятется и кипитъ. . .
Но ты спокойно почиваешь,
О, тихое дитя! на персяхъ у родной;
Ты нашихъ мукъ не понимаешь,
И, на смятенный вопль тревоги роковой,
Сквозь сонъ улыбкой отвѣчаешь!
И что твоей безпечности святѣй?
Такъ милая *невинность* почиваетъ,
Когда, кругомъ, свирѣпая пылаетъ
Гроза губительныхъ страстей!

XXXI.

ЗАВѢТНАЯ КНИГА.

Въ пустынѣ далекой былъ старецъ сѣдой,
Пещера въ утесѣ — жилище его;
И дубъ устарѣлый и кленъ молодой
Укромную келью, шумя, осѣняли,
И теплилась тихо на сумрачномъ сводѣ
Лампада; въ срединѣ налой, и на немъ
Лежала, какъ тайна, *завѣтная книга;*
И къ ней только старецъ одинъ прикасался.
Три части вмѣщала та книга въ себѣ;
Три разныя ленты тѣ части дѣлили.
Какъ свѣжая роза алѣла одна;
Другая, какъ небо, была голубая;
Но черная третья, какъ врана крыло.
И съ каждымъ разсвѣтомъ пустынникъ-мудрецъ
Съ почтеніемъ къ книгѣ завѣтной подходитъ
И листъ, но не болѣ, читаетъ одинъ.
И онъ ужь за черной прочитывалъ лентой;
Не много ему оставалось читать!
Читаетъ — и книгу, со вздохомъ, закрывъ,
Идетъ онъ, склоненный въ глубокую думу,

Какъ будто прощаться съ природой. — Такъ мирно
И тихо въ немъ жизнь погасала, какъ день
На ясномъ безоблачномъ небѣ. — И вотъ,
Пришелъ къ нему гость изъ мятежнаго свѣта:
То юноша свѣжій, какъ цвѣтъ молодой;
Румянецъ пылалъ на лилѣйныхъ щекахъ,
И свѣтлыя искры сіяли въ очахъ,
И кудри играли вкругъ шеи прямой.
„Отецъ! благодатью святой осѣни
Пришельца изъ бурнаго свѣта. Открой
Высокую тайну; скажи мнѣ, мудрецъ:
Какъ въ мірѣ мятежномъ безъ бури прожить?
И гдѣ обитаетъ блаженство? скажи:
Гдѣ съ пылкой душою я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрѣлый совѣтъ,
Кипящую жажду въ груди утолитъ!
Напой меня свѣтомъ вѣщаній святыхъ:
Открой, благодатный, мнѣ тайны судьбы
И жизни науку!“ — И старецъ, въ отвѣтъ:
„О, посланный сердцу наслѣдникъ младой!
Приди, мой желанный! и тайну прими,
Высокую тайну.... Въ сей книгѣ она:
Вся жизни премудрость въ сей книгѣ святой,
Завѣтной: — ты каждый читай ее день,
И листъ, но не болѣ, для каждаго дня!
Не болѣе, помни!“... Съ симъ словомъ почилъ,
Какъ тихій младенецъ, столѣтній мудрецъ.
И было преданье, что ангелъ пустынь

Восхитилъ земные остатки его!
Вотъ ночь протекаетъ, какъ вѣчность!... Съ зарей
Къ завѣтной подходитъ пылающій чтецъ
И къ розовой лентѣ душою летитъ.
Читаетъ, и сердце весельемъ зажглось:
Все розовымъ свѣтомъ сіяетъ въ очахъ;
Всѣ жилы, какъ струны, дрожатъ — и ключемъ
Кипитъ молодая, румяная кровь.
Улыбка играетъ на свѣжемъ лицѣ;
Онъ, кажется, слышитъ надежды привѣтъ
И голосъ знакомыхъ мечтаній: онъ весь
Восторгъ и желанье.... Ужь листъ пробѣжалъ
И далѣ, все далѣ, какъ вспыхнувшій огнь
При вѣяньи вѣтра на полѣ сухомъ;
И вотъ въ упоеньи всю первую часть
Прочелъ, поглотилъ онъ — и розовый свѣтъ
Угасъ, и поблекла улыбка.... Онъ стихъ;
Но слышитъ онъ новый заманчивый гласъ,
„Все далѣе, далѣ!“ Ѳѳиръ голубой
Сіяетъ, какъ небо, въ завѣтныхъ листахъ.
И все постояннѣй и все тамъ вѣрнѣй,
И счастья обѣты слышнѣе — и цѣль
Вдали, за туманомъ, яснѣе горитъ...
Спокойнѣе взоры чтеца; — но уныль
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту.... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...
Прочелъ — и со вздохомъ воспомнилъ завѣтъ,

И тихо побрелъ онъ къ родной сторонѣ.
Но тамъ не на долго онъ гость у друзей!
Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой;
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ
И жизнь догараетъ во взорахъ — и вотъ,
Унылый, онъ рано въ могилу сошелъ.
Постигнули тайну кончины его...
И братья и други, по лѣтамъ забавъ,
Вздыхая, жалѣли о пылкомъ чтецѣ,
Что книгу онъ жизни такъ рано прочелъ!

XXXII.

НЕВИДИМО-ВИДИМАЯ.

„На землѣ и въ небѣ есть *многое*, о чемъ никогда и не мечтала ваша философія.“

Шакспиръ.

Вчера, я провожая солнце
На пламенный его закатъ,
Тоскою въ думу погруженный,
Глубокой грустью былъ объятъ:
Моя послѣдняя надежда
Угасла, какъ его лучи!
И грусть, какъ сумракъ хладной ночи,
Легла въ тоскующую грудь....
Разкрылась бездна предо мною! —
И я — о, страхъ! я сталъ терять
Святую въ Провидѣнье вѣру
И ропотъ въ сердцѣ возставалъ!
Но только солнце закатилось,
Она опять ко мнѣ вошла,
Вошла — не отворяя двери

И не касаясь до земли!
Любви привѣтъ сіялъ небесный
Въ ея лазоревыхъ очахъ;
И мнѣ знакомая улыбка
Цвѣла, какъ утро, на устахъ
Румяныхъ какъ заря, и сладкихъ,
Какъ чистый ароматный сотъ,
Какъ первый поцѣлуй невѣсты!
И вся она, моя краса,
Дышала свѣжестію неба,
Какъ ясный день младой весны.
Я все еще какъ будто вижу
Ея приходъ, ея черты:
Спокойна, какъ душа младенца;
Какъ совѣсть чистая — мила;
Неизъяснимая — какъ тайна;
Она вошла, какъ *тишина:*
Такъ входитъ милая *надежда,*
Съ своей отрадой неземной,
Или предчувствіе блаженства
Въ давно тоскующую грудь...
Она вошла и къ гостьѣ милой
Моя душа.... И грудь была
Полна таинственною нѣгой...
Она вошла — и тихо мнѣ:
„Возстань“ съ привѣтомъ прошептала,
„Смотри!“ И съ словомъ указала,
Чрезъ растворенное окно,

На сводъ усѣянный звѣздами
Съ его серебряной луной.
„Читай!“ и вотъ она коснулась
Моихъ очей — и я прозрѣлъ
И, чудо! — я взмахнулъ крылами
И съ нею объ руку лечу;
И, въ наслажденьи непонятномъ,
Моя душа ясна, какъ день!
Ей прелесть голубова свода
Мила, какъ узнику свобода;
И вѣянье святыхъ небесъ,
Какъ вѣсть изъ родины далекой,
Какъ голосъ милой старины....
Мы обтекли предѣлъ луны:
Надъ ней тогда шумѣли бури
И яркихъ молній блескъ горѣлъ!
Но далеко отъ бурь мятежныхъ,
И полные высокихъ думъ,
Мы въ океанѣ неба плыли....
И вотъ, близъ звѣздъ, спустился къ намъ
На встрѣчу *кто-то*, житель неба,
Незримый для земныхъ очей,
Но слышный сердцу и понятный
Уму, какъ *истина*, какъ мысль:
И милъ онъ, какъ привѣтъ надежды;
И чистъ, какъ первая любовь!
Онъ проводилъ насъ за собою
Въ свою отчизну.... Гдѣ слова,

Чтобъ описать страну святую,
Гдѣ все блаженство — все покой?
Тамъ — въ голубыхъ поляхъ эѳира —
Сіяетъ вѣчная заря;
Тамъ вѣчно утро молодое
Съ своею свѣжестью цвѣтетъ;
Тамъ все *гармонія,* все стройность,
Тамъ перелетны вѣтерки,
Какъ звуки арфъ ласкаютъ душу;
Тамъ пылкій, свѣтлый *Серафимъ,*
Плывя въ небесной, чистой нѣгѣ,
И очи устремивъ горѣ,
Въ святынѣ тайной видитъ Бога
И звонкой гимнъ ему поетъ:
И тишина святова свода,
И вся надзвѣздная природа
Внимаютъ вѣчной пѣсни сей!...
Такъ, въ мірѣ семъ святомъ и дивномъ,
Нѣтъ ничего для нашихъ чувствъ:
Но все понятно, все знакомо
Душѣ, какъ прежній край родной:
Оттоль *прекрасное, святое*
И все *высокое* оттоль,
Лучи кипящей, свѣжей жизни,
Три вѣчныхъ таинства небесъ,
Низходятъ въ дольніе предѣлы,
Въ сей бренный видимостей міръ
И стонутъ въ узахъ жесткой персти....

Холодный мраморъ подъ рѣзцомъ,
Неясной жизнью зажигаясь,
И дышущій подъ кистью холстъ,
Для нашихъ грубыхъ чувствъ являютъ
Ихъ пребыванiе *въ земномъ*.
Но вамъ, небесные милѣе
Душей высокихъ пѣсней быть;
Являться въ свѣтлыхъ переливахъ
На мелодическихъ струнахъ,
И строить золотую лиру
Поэта чистаго душей. . . .
Такъ, я блаженство *неземное*
Вкушалъ далеко отъ земли,
И упоенный наслажденьемъ,
Въ восторгѣ пылкомъ я забылъ
Враговъ и счастія обиды,
И мутной жизни тяжкой плѣнъ,
И жилъ я жизнію иною.
Но дверь скрыпитъ — ко мнѣ толпою
Заботы съ прежней суетой!
И я, о, горе! чуждый неба,
Съ моей подругой молодой,
Я увлеченъ опять въ отчизну
Порока, смерти и судьбы;
И связанный опять пространствомъ,
Я времени и тлѣнья рабъ!
И все кругомъ перемѣнилось!
Исчезъ онъ, мой минутный рай:

И все мое, какъ сонъ, пропало,
И мнѣ еще грустнѣе стало. . . .
Опять существенность лежитъ,
Какъ гробовой на сердцѣ камень;
А тихой гостьи больше нѣтъ!
Она ушла, какъ призракъ милой,
Какъ звукъ гармоніи унылой.

XXXIII.

ТЕМНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Я помню, такъ какъ давній сонъ,
Мое златое время дѣтства,
Когда еще мнѣ чуждъ былъ стонъ,
Когда не зналъ я слова: бѣдства. . . .
Въ тѣхъ незапамятныхъ годахъ
Терялся часто я въ мечтахъ,
Глядя на голубые своды
Какъ-будто вѣдомыхъ небесъ;
На виды сельскія природы
И на спокойный темный лѣсъ,
Подъ золотою полосою,
Когда день лѣтній догаралъ
И свѣжей вечера росою
Благоуханный лугъ сіялъ. . . .
Я помню, съ каждою весною,
Откудова, не знаю самъ,
Являлась дѣва пѣсней къ намъ
И часто занималась мною
Она, прекрасная, какъ день;
Я помню станъ, подъ флеромъ, гибкой
И алыя уста съ улыбкой.

Какъ пролетающая тѣнь,
Она безъ шуму приходила,
Съ любовью въ голубыхъ очахъ,
И на серебряныхъ струнахъ
Златыя пѣсни выводила.
Я помню, часто я любилъ
Сидѣть у ногъ пѣвицы сладкой,
И духъ переводя украдкой,
Я жадно пѣснь ея ловилъ
И цѣловалъ у дѣвы руки....
И были, въ дѣтской простотѣ,
Мнѣ непонятны пѣсни тѣ;
Но — усладительные звуки,
Какъ даръ высокой и святой
Берегъ въ душѣ дитя счастливый:
Такъ дождь пшеницы золотой
Ложится въ лоно мягкой нивы.
И я, съ тѣхъ поръ, въ душѣ носилъ
Залогъ священнаго посѣва....
Отъ насъ сокрылась скоро *дѣва*,
Ужь я нигдѣ не находилъ
Моей плѣнительной подруги!
Промчались дѣтскіе досуги.
Я рано съ грустью сталъ знакомъ:
Сказавъ въ слезахъ, „прости!" отчизнѣ,
Я рано брошенъ въ бурю жизни:
И сталъ мнѣ чуждъ отцовской домъ.

Но что-то въ памяти сверкало,
Мечтой неясною маня
И, мнилось, въ сердцѣ у меня
Какъ будто что-то созрѣвало.
Я росъ на полѣ боевомъ,
Труды и дальніе походы
Снѣдали дни мои и годы:
Кругомъ грозы военной громъ,
И со врагомъ дневныя драки
И, ночью, свѣтлые биваки
И грады пышные въ огнѣ:
Вотъ все, что было близко мнѣ!
Но браней смолкнула тревога,
Отпразднованъ побѣды пиръ;
И мнѣ тиха была дорога:
Я шелъ украдкой въ новый міръ,
Искать душѣ усталой мира....
Мнѣ невзначай попаласъ лира!
Я въ первыхъ пѣсняхъ пѣлъ любовь
И прелесть пышную природы;
И, чудеса сердечныхъ сновъ:
Мечты блаженства и свободы
Ласкали юнаго пѣвца....
И позже — въ горестныя лѣта,
Узнавъ вблизи коварство свѣта,
Людей холодныя сердца,
Лишенный счастья и покою,
Высокой вдохновенъ тоскою,

Я пылкой жаждою горѣлъ
Взноситься мыслью окрыленной
Въ предѣлы тайные вселенной;
И съ гладомъ сердца я летѣлъ
Къ нему — Строителю природы;
И, выше созданныхъ міровъ,
Гдѣ нѣтъ тѣлесности оковъ,
Я въ безпредѣльности свободы
Мой духъ усталый освѣжалъ,
И горнимъ солнцемъ позлащалъ
За мной влачащіяся узы.
Но никогда отъ раннихъ лѣтъ
Ко мнѣ не приходили *музы*
И мнѣ невѣдомъ ихъ привѣтъ;
Безвѣстны тайны пѣснопѣнья,
Пою по сердцу, безъ умѣнья....
Но что жь полна душа моя
О комъ-то памяти священной!
Чтобъ ни запѣлъ, то слышу я
Все пѣсни *дѣвы* незабвенной.